

СБОРНИК
ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК СССР.
Том CI. № 1

Е. Ф. КАРСКИЙ

ОЧЕРК НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРЕДЕЛАХ СССР

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1926

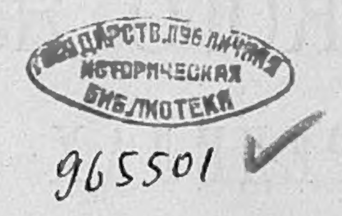
СБОРНИК
ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК СССР.
Том CI. № 1

Е. Ф. КАРСКИЙ

ОЧЕРК НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРЕДЕЛАХ СССР

ЛЕНИНГРАД
1926

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург.*
Апрель 1926 г.

Издательство Академии Наук СССР.

Начато набором в декабре 1925 г. — Окончено печатанием в апреле 1926 г.

Ленинградский Гублит № 9352. 7 печ. л. Тираж 650 экз.

Государственная типография имени Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11

«Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» был написан автором для предположенного, но не состоявшегося академического издания «Русская наука», в котором было отпущено для русского языка только четыре листа. Этим объясняется слишком сжатое изложение в настоящей работе. Полагая, что и в таком виде «Очерк» может быть полезен для лиц, оставляемых при университетах для приготовления к профессорскому званию, а также вообще для слушателей славянской филологии и русского языка в высших учебных заведениях, автор решился напечатать ее, тем более, что обширнейшая диссертация С. К. Булича рассматривает историю языкознания в России только до 1825 г., после чего уже прошло сто лет, а статья А. А. Котляревского «Об изучении др.-р. письменности» доводит обзор изучения только до конца 70-х годов XIX ст. Кроме того, указанных и им подобных обзоров не имеется и в продаже.

СОДЕРЖАНИЕ

Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР.

Наш отечественный язык рано подвергся научному изучению и разработке. Сначала пытливого читателя и трудолюбивого списателя книжного интересовали вопросы орфографии и стиля; потом нарождающихся ученых, кроме вопросов правописания, занимали состав языка и его грамматический строй, речь мерная и простая. Когда эти вопросы, так сказать, первой необходимости были в некоторой степени удовлетворены, и литературный язык более или менее прочно установился, наши первые ученые стали подготовлять материал для возведения здания истории русского языка. Их занятия шли в двух направлениях: изучались и описывались с палеографической и лингвистической стороны древние русские памятники и их прототипы старославянские; самые выдающиеся из них издавались по возможности точно с очерками их языка; с другой стороны подготовлялись для изучения живые материалы, взятые из уст народа: исследовалась народная речь, давшая затем обильный материал для русской диалектологии. Изучение тех и других памятников и их издание постепенно совершенствовалось и углублялось посредством сравнения явлений русского языка с подобными явлениями у других славян; строились даже праславянские формы, а иногда праиндоевропейские; вводились в дело новые области, например, синтаксис, при чем на освещении фактов последнего, как и вообще на лингвистическом изучении русского языка отражались разные теории, господствовавшие в соответствовавшее время в языковедении на Западе. Последние стадии изучения рус-

ского языка закончились попытками построения истории языка. Таковы главные этапы в нашей науке. Сначала изучается русский литературный язык древний и новый; затем на изучении старинных памятников русского литературного языка устанавливаются особенности народных говоров древнерусского языка; разрабатывается и современная диалектология; полагаются основы развитию русской и вообще славянской кирилловской палеографии; попутно совершенствуется и канонизуется орфография; завершением всего является история русского языка вообще и главных его наречий в частности. Отмеченные эпохи постепенно переходят одна в другую, достигая наивысшего развития при известных ученых деятелях, но зарождение характеризующих их признаков и направлений часто коренится в очень ранних попытках научного изучения родной речи или старинных памятников; равным образом результаты прежних исследований нередко проверяются и в наши дни, давая под новым углом зрения и при других методах часто неожиданно ценные результаты.

В основе древнерусского литературного языка лежит церковнославянский, распространившийся у нас вместе с принятием христианства и церковными книгами. Он постепенно впитывал в себя русские элементы, но лишь после Ломоносова окончательно уступил преобладающее место русской стихии. Естественно поэтому, что научное — или лучше наукообразное — изучение литературного языка у нас на первых порах происходит на почве ц.-славянского или по крайней мере было неразрывно с ним.

Первые попытки изучения старославянского языка, носившие чисто подражательный характер, относятся к глубокой старине и естественно нашли отражение в дошедших до нашего времени рукописях; лишь в XIX — XX столетиях многие из относящихся сюда работ попали в печать. На Руси сначала распространялись списки таких статей югославянского происхождения, возникших больше в подражание византийским образцам. Они касались происхождения ц.-славянской азбуки, этнографической принадлежности того славянского племени, для которого она составлена, и отчасти правил самого языка.

Таковы места «Паннонских житий» Константина и Мефодия и нашей «Повести времянных лет» о первоучителях славянских и изобретении азбуки; таково же сказание черноризца Храбра «О писменехъ», возникшее в подражание византийскому грамматику Псевдо-Феодосию, вероятно, в X веке, но дошедшее до нас в среднеболгарском списке XIV века и в русских списках XV — XVII веков (Ягич. «Рассуждения старины», 289 — 318, I т. Иссл. по русск. яз.).

Самым ранним источником грамматических рассуждений о славянском языке, сохранившихся до нас в рукописях XII в., является работа Иоанна, экзарха болгарского, о славянском языке и об его отличиях от греческого, помещенная в предисловии к его переводу богословия Иоанна Дамаскина (Ягич. «Рассуждения», 320 — 325). Одна из подобных статей «О восьми частях слова», составленная по поздним греческим источникам такого же содержания, например, Мосхопула, XIV в. где либо в Сербии и попадающаяся в рукописях, начиная с XV в., югославянских, а затем и русских (Ягич. Ib., 326 — 365), попала очень рано и в печать, это «Кграматыка словеньска языка» (Вильна. 1586 г.). В ней впервые устанавливается славянская грамматическая терминология и разные грамматические категории (Ягич. Ib., 959—960).

Грамматическое сочинение Константина Костенческого XIV в. в извлечении также нашло распространение у нас; к нему обращались при решении разных орфографических недоумений, особенно касающихся надстрочных знаков, а также титл, написаний известных слов (Ягич. Ib., 366 — 581).

Несколько статей, относящихся главным образом к филологической критике текста, в XVI в. соединяются с именем Максима Грека, который в то время, да и после (в XVII в.) считался большим авторитетом по разным грамматическим вопросам. Много и других статей подобного же грамматического содержания попадается в рукописях XVI — XVII в., обыкновенно без имени авторов (об них у Ягича «Рассуждения старины» и Булича «Очерк», 152 — 154).

В подражание греческим грамматикам, а затем и латинской Доната в них ведутся рассуждения о надстрочных знаках, о правильном употреблении различных букв и чтении сокращений, о классификации гласных и согласных и о грамматическом анализе слов применительно к теориям о частях речи. На тех же источниках основывается и компилятивный труд некоего Евдокимища: «Книга глемаа простословиа» XVI в., известная по рукописям и XVII в., где автором уже в криптограмме назван «Боголѣпъ» (Ягич. Ib. 912 — 949).

К XVI — XVII в. относится у нас и появление азбуковников или алфавитов иностранных слов и непонятных выражений, являющихся прототипом возникших затем словарей. Зарождение их впрочем можно видеть уже в некоторых переводных статьях Сборника Святослава 1073 г.

Школьные нужды конца XVI в. в Западной Руси заставили обратиться к развившемуся тогда здесь в значительной степени книгопечатанью и предать тиснению составленные по образцу греческих первые грамматики общелитературного тогда для Руси и югославян ц.-славянского языка. Кроме виленского издания 1586 г., о котором была речь выше, теперь явилась во Львове в 1591 г. «ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ. Грамматика доброглаголиваго єллинословенскаго ꙗзыка», книжечка важная по установлению существующей до сих пор грамматической терминологии (см. Булич. «Очерк», 170 — 172). Вышедшая пять лет после (1596 г.) в Вильне «Грамматіка словенска» Лаврентия Зизания, также основанная на византийских рассуждениях о восьми частях слова, представляет попытку систематического изложения грамматики по тем схемам, какие употреблялись на Западе в сочинениях подобного рода. Тут идет речь об орфографии, просодии, синтаксисе и этимологии. К книге приложен и первый печатный словарик: «Леѯис сирѣчъ реченія въкратцѣ собранны и из словенскаго языка на просты русскій діялект истолкованы». Здесь, кроме перевода слов, кое-где вводятся и пояснения энциклопедического характера. Словарик Зизания, содержащий в себе 1061 слово, послужил источником для рукописных азбуковников и словарей последующего времени,

а также для печатного «Лексикона славенороссскаго» Памвы Берынды, изданного в Киеве в 1627 г. (2-ое изд. Кутеинского м-ря 1653 г.). Здесь уже довольно правильно разграничиваются ц.-славянские элементы от руссских, особенно от народных малорусских и белорусских слов; кое-где приводятся параллели и из других славянских языков. И словарь Берынды со-временем служил источником разных рукописных словарей, в роде напечатанного Житецким (в «Очерке литер. ист. малор. нар.»): «Синонима славенороссская» (Булич. «Очерк», 166—170).

Все перечисленные сочинения однако оказали незначительное влияние на дальнейшее научное изучение русского языка. Несравненно выше их всех стоит «Грамматіки славенскиѧ правильноє сѵнтаґма» Мелетия Смотрицкого, вышедшая в Евьи (близ Вильны) 1619 г. и затем несколько раз переизданная с разными изменениями и дополнениями, с именем автора и анонимно. Эта ц.-славянская грамматика вплоть до появления книги И. Добровского «Institutiones» [1]) была главным руководством для всех, стремящихся более или менее научно изучить ц.-славянский язык. Она же окончательно утвердила грамматическую терминологию и для последующих трудов по русскому языку. Отделы, по которым расположен грамматический материал, и в ней заимствованы из греческой грамматики (Ласкариса, изд. в Милане 1476 г.). В последующих изданиях книги, сделанных в Москве (например, 1648 г.), ц.-славянские формы заметно вытесняются русскими, как это наблюдалось и в тогдашнем русском литературном языке, хотя переделыватель книги и не допускал разницы между старославянским и русским языками. Ничего нового не вносят позднейшие грамматики, явившиеся как результат переделки и подражания книге Смотрицкого: виленское издание 1621 г. и Кременецкое 1638 г. Московские издания XVIII ст. подражают московской переделке 1648 г. (ср. Ягич. «Энцикл. Сл. Ф.» I, 31 — 32).

Говоря о работах, подготовивших научное исследование русского языка, нельзя пройти молчанием рукописных трудов

---

[1]) Ср. мою статью в „Известиях" ОРЯС РАН 1922, XXVII, 195 — 206.

одного из замечательнейших славянских деятелей XVII ст., заброшенных судьбой на Русь, — Юрия Крижанича. Его грамматические труды, писанные на особом им самим созданном славяно-русско-харватском языке, в свое время не попали в печать, а появились только в XIX ст. Это «Објасньевје виводно о писмѣ словѣнскомъ» (с пометой 1661 г.) и «Граматично изказâнје об рýском језику» (1666 г.). В них много ценных наблюдений над русским литературным и народным языками, а также над орфографией. Знаком он был и с грамматикой Смотрицкого. Он различал литературный русский язык — помесь греческого с древнерусским, общий подлинный разговорный язык великорусский и западнорусский — белорусский, смесь русского и польского языков. Эти суждения не ограничивались у него только общими фразами, но в словах их можно видеть и детальное знакомство с предметом; таково, например, замечание Крижанича о слишком мягком произношении белорусами *тъ* и *дъ*. Видно у него и знакомство с другими славянскими языками, лингвистический материал которых он везде старается привлекать для сравнений, когда пытается выработать свой общеславянский язык. Тонко он наблюдал и различие в ударениях у разных славян. К сожалению однако следует сказать, что работы Крижанича по языку в свое время не читались, так как были написаны на малопонятном языке, да и сам автор был удален от культурного общества; сами русские тогдашнего времени не были подготовлены к чтению подобных сочинений, отражавших в полной мере идеи, назревавшие в западной науке. Только в настоящее время оказалось возможным привлечь к научному исследованию некоторые данные, зарегистрированные Крижаничем (ср., например, работы Шахматова об ударении).

Для полноты характеристики научного ознакомления с языком в XVII в. (или по крайней мере подготовки этого изучения) следует еще упомянуть о деятельности Епифания Славинецкого, который, еще будучи в Киеве, в 1642 г. переделывал многоязычный словарь Калепина, а затем вместе с Арсением Корецким-Сатановским в Москве в 1650 г. переработал его вторично в «Dictionarium Latinoslavonicum».

И после Славинецкий составлял подобные словари, например: «Книга лѣксиконъ греко-славено-латинскій» по словарю Иоанна Скопулы. Около того же времени появились и другие лексиконы с переводами на ц.-славянский (русский литературный язык того времени) (Булич. «Очерк», 181 — 182).

Некоторая популяризация научных знаний по русскому языку, хотя и элементарных, производилась в то же время при посредстве букварей, в роде: «Наука ку читаню и розумѣню писма словенскаго» (Вильна 1596 г.), «Начальное ученье человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писания» Бурцева-Протопопова (1634 г.), «Букварь славено-россійскихъ письменъ» Кариона Истомина (1694 г.).

Таким образом к концу XVII в. для научного изучения русского литературного языка того времени и для знакомства с живою народной речью кое-что было сделано. Но все это еще представляло лишь зародыши науки, подражавшие тому, что на юге и западе Европы в это время получало довольно прочные основы. И эти зачатки науки появились в западной и югозападной Руси; в Москву они проникали больше случайно и пока не могли в ней прочно обосноваться. Лишь наступивший затем XVIII в. более или менее упрочил здесь эти знания (Булич. «Очерк», 184 — 190). Впрочем в самом начале этого столетия, в век Петра I, когда насаждались больше технические знания, по русскому литературному языку, кроме учебников Копиевича («Руководеніе въ грамматику славенороссійскую», 1706 г.), Поликарпова (1721 г.) и Максимова (1723 г.), представляющих переделку книги Смотрицкого, — ничего выдающегося не появлялось.

Живым духом науки повеяло в России по учреждении при преемниках Петра I Академии Наук. Насаждение настоящей науки в государстве отразилось и на сочинениях, касающихся русского языка. Хотя на первых порах этими вопросами занимались больше писатели, но и они уже при некотором общем подъеме знаний и при усиленном общении с Европой обнаруживают больше серьезного интереса к делу и больше самостоятельности мысли. Одним из ранних трудов этого рода было произведение В. К. Тредьяковского

«Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскимъ объ ортографіі старінной і новой» (1748 г.). Здесь автор обнаруживает порядочные познания по фонетике живой русской речи и вообще проводит смелую по тогдашнему времени мысль о необходимости употреблять фонетическое письмо, писать «по звонам». В тогдашней русской азбуке он совершенно правильно отмечал некоторые лишние начертания и доказывал необходимость устранения их. Однако своих правильных теоретических рассуждений он не мог последовательно провести на практике. Тредьяковский ясно представлял себе разницу между ц.-славянским и русским языками (ср. его предисловие к сочинению: «Езда на остров любви») и знал, когда уместно употреблять тот и другой. Однако и здесь практика не соответствовала его теоретическим положениям. Подчеркивая непонятность и устарелость ц.-славянского языка, его жесткость для уха в обычной речи, он в своих стихотворениях и переводах допускал массу самых неуклюжих славянизмов. Правильно понимал он и теорию версификации и вообще вопросы метрики (ср. его «Способ к сложению российских стихов» 1735 г., «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» 1755 г.), устанавливая тоническую теорию русского стихосложения; во всеобщее употребление однако предложенная им система вошла лишь после появления прекрасных образцов, данных Ломоносовым. Филологические приемы Тредьяковского в его исторических исследованиях по своей курьезности ниже всякой критики, но не особенно отличаются от того, что в его время можно было встретить и в работах заурядных западно-европейских ученых (Булич. «Очерк», 204 — 209).

Соперник Тредьяковского Сумароков касался тех же вопросов, что и первый; в работе «О правописании» некоторые мысли его не потеряли своего значения и до сих пор, например, о различии букв и звуков, что́ тогда смешивалось. Он же правильно устанавливает в некоторых случаях влияние малорусских ученых и духовенства на литературное русское произношение. Грамматических вопросов и правописания Сумароков касается и в некоторых других своих работах. Но там,

где он занимается разными этимологиями («О происхождении российского народа», «О происхождении слова царь») он ничем не отличается от Тредьяковского в отношении нелепости взглядов и сопоставлений (ср. Булич. «Очерк», 210 — 212): лишь в очень редких случаях в приводимом мусоре можно заметить кое-что имеющее цену.

Внести научную струю в русскую грамматику с точки зрения языкосравнительной имел в виду А. Шлецер, в 1764 г. приступивший к печатанью на немецком языке русской грамматики. Отчет Ломоносова остановил печатанье этой книги, и лишь в 1875 г. она вышла в русском переводе (XIII т. «Сборника Отд. р. яз. и сл.»), а в немецком подлиннике: «Aug. Schlözer. Ruszische Sprachlehre. I — II» она напечатана С. К. Буличем только в 1904 г. В ней не мало интересных данных для суждения о русском произношении того времени, но все это имеет значение для нас теперь, а в свое время книга Шлецера была недоступна для тогдашних ученых и не могла оказать никакого влияния на распространение грамматических знаний среди русских и дальнейших исследований в подобном роде.

Первая русская грамматика явилась в XVIII ст. на немецком языке при изданном Академией Наук в 1731 г. словаре Вейсмана «Teutsch-Lateinisch und Ruszisches Lexicon. Нѣмецко-Латинскій и Рускій Леѯиконъ купно съ первыми началами Рускаго языка». Здесь особой тетрадью приложено «Anfangs-Gründe der Ruszichen Sprache». Это приложение имеется и при издании словаря 1782 г. Имени составителя этой грамматики нигде не отмечено; по преданию она приписывается студенту В. Е. Адодурову. По заключению Ломоносова она «весьма несовершенная и во многих местах неисправная». При ближайшем рассмотрении она оказывается переделкой и сокращением грамматики Смотрицкого, примененной к русскому языку. Она больше подходит к типу школьных грамматик, и научного значения не имеет.

Труд Адодурова таким образом явился первой русской грамматикой, но он был далек от совершенства, а главное — написан на немецком языке, вследствие чего был малодосту-

пен тогдашнему интеллигентному читателю. А между тем в обществе раздавались жалобы на отсутствие «доброй грамматики и лексикона» (Ю. Крижанич). Даже грамотные простецы, в роде Посошкова, напоминали правительству, что ему «надлежало постаратися о грамматикѣ», не говоря уже об ученых, которые решительно выдвигали необходимость составления «грамматики доброй и исправной» и «дикціонарія полнаго и довольнаго» (Тредьяковский в речи «О чистоте российского слова»). Выполнил эти пожелания М. В. Ломоносов, который своей «Российской грамматикой» (1755 г.) на значительное время закрыл этот важный пробел в русском языкознании. Хотя сам Ломоносов изучал грамматику Смотрицкого и в своем труде не мог освободиться от ее схем, но под влиянием европейской науки, воспринятой им на месте ее родины, к составлению русской грамматики он отнесся самостоятельно, пользуясь при этом, как и следовало ожидать от естественника, натуралистическими методами, допускающими только точность наблюдений живого «рассудительного» употребления. Свои выводы он строит на раньше собранных в большом количестве фактах, основательно проверенных. Он не стремится предписывать теоретически созданных правил; не вводит, как это иногда делал Смотрицкий, искусственно построенных форм, а признает лишь те особенности и выводы, какие подтверждаются живым языком. Так он относится и к определению звуков русского языка: он описывает их по способу произношения, при чем обнаруживает тонкую наблюдательность и вдумчивость (Булич. «Очерк», 216). Какие из них существуют в действительности, те он и вводит в грамматику и для тех он удерживает соответствующие буквы, исключив почти все ненужные начертания, державшиеся в нашем письме и печати по наследству от ц.-славянской азбуки, куда они попали из греческой. Смотря на орфографию с чисто практической точки зрения, он находил, что в ней «одному употреблению повиноваться должно»; следуя живому произношению, он настаивал и на этимологическом принципе, несоблюдение которого было бы «весьма странно и противно способности легкого чтения». Этим следует объяс-

нять и удержание им некоторых, повидимому, ненужных начертаний, как *ѣ* и *i*. Впрочем первое (*ѣ*) у него, как северного великоруса, знакомого с малорусским языком, могло обозначать и особый звук (отличный от *е*). В изложении грамматики он не смешивает русских и ц.-славянских форм, противопоставляя одни другим, вследствие чего его изложение носит сравнительный характер; кое-где приводятся и исторические справки. Не избегает он и народного элемента, вследствие чего его и упрекали современники в замене русского языка «холмогорским наречием», однако без достаточного основания, так как он в основу русского литературного языка все же предпочтительно положил московскую речь, не только «для важности столичного говора, но и для ее отменной красоты». Во введении «о человеческом слове вообще» Ломоносов держится взглядов французской «Grammaire générale et raisonnée». При вполне объективном изложении предмета у Ломоносова проглядывает и патриотическое чувство, что он подчеркнул в заключении предисловия к грамматике, указывая, чем русский язык превосходит все прочие. Грамматическая терминология у Ломоносова уже почти окончательно установилась в том виде, в каком она держится до сих пор.

Главным недостатком грамматики Ломоносова является не полная продуманность схем, особенно тех, в какие уложены глагольные формы. Очевидно, Ломоносова сбивали латинские, греческие и вообще спряжения иностранных языков, где «виды» глаголов не имеют такого выдающегося значения, как в русском языке. Стремлением дать простой перевод иностранным причастиям узаконены ц.-славянские формы причастий в русской грамматике. Книга Ломоносова выдержала до 15 изданий; влияние ее на нашей грамматике отчасти заметно и до сих пор.

И в других работах Ломоносова по языку видна та же трезвость мысли, вдумчивость и осмотрительность, широкий размах, соединенные с эстетическим чутьем и знанием состояния хотя бы зарождающейся филологической науки. Он предполагал писать «о сродных языках российскому и о нынешних диалектах, о преимуществах российского языка, о его красоте.

чистоте, о славянском церковном языке, о чтении книг старинных и о речениях Несторовских, новгородских,... о простонародных словах, о новых российских речениях»... Нельзя не видеть тут зародышей исторических и диалектологических изучений языка. В его же работах, как мы указывали, имеются попытки сравнения языков. Ломоносов различает, и притом правильно, языки родственные и неродственные; довольно удачно в некоторых случаях подмечает родственные слова греческого и русского языков; очень точно намечает семью языков славянских (русский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий, вендский). Правда, в исторических работах и Ломоносов, подобно Тредьяковскому и Сумарокову, допускает невозможные этимологии, но все же не так часто обращается к ним, как это делали его современники. В «Рассуждении о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов устанавливает стили тогдашней русской литературной речи, противополагая (хотя и не всегда точно) слова чисто ц.-славянские словам общим ц.-славянскому с русским и чисто народным. Наконец, в «Письме о правилах российского стихотворства» он более точно, нежели Тредьяковский, обосновал тоническое стихосложение и упрочил его своими выдающимися образцами.

Из ближайших последователей Ломоносова в грамматических трудах нельзя не упомянуть преподавателя Московского универститета А. А. Барсова, ученика Тредьяковского и Ломоносова. Ему принадлежит краткая школьная грамматика (1771 г.), выдержавшая несколько изданий, не имеющая научной ценности, и «Обстоятельная российская грамматика» (1784—1788) не напечатанная, но распространявшаяся в рукописях. Уже один размер ее (60 тетрадей) указывает на ее полноту; она была «пространнейшею всех поныне имеющихся в своем роде». В нее вошло несколько новых «наставлений», много разных поправок и дополнений. Для нас она дает немало любопытных данных для суждения о языке XVIII в., тем более, что в орфографии Барсов был сторонником Тредьяковского, предлагая придерживаться фонетического принципа. Отсюда вытекало и предложение его ввести

написание *io* и устранить *ѕ*, *ѳ* и *ѵ*, и из двух знаков для *и* выбрать одно *i*. Ценны для нас и его наблюдения над особенностями народного языка. Другие грамматики того времени носят школьный характер (Булич. «Очерк», 232—237).

Восемнадцатый век дал нам и несколько словарей ц.-славянского и русского языков, напр. П. А. Алексеева (1773—1776) (ср. Булич. «Очерк», 238—240) и особенно «Словарь Академии Российской» (Спб. 1789—1794), 6 частей. Этот словарь был самым полным из появившихся до того времени; в него предположено было внести все «без изъятия» областные слова, и хотя в прямом смысле этого не удалось сделать, однако много областных слов в него попало; в него вошли и многие старинные слова, способствующие пониманию древнего быта или заключающие в себе корни слов, употреблявшихся и в XVIII в. конечно оказалось в нем много и ц.-славянских слов. Таким образом здесь впервые зарегистрировано много совсем нового материала, не утратившего своего значения и до сих пор. Недостатки словаря не выходят за пределы тогдашнего состояния языкознания в России (Булич. «Очерк», 240—244).

В начале XIX ст. по научному изучению русского языка не явилось ничего особенно выдающегося. Российская Академия 1802 г. выпустила «Российскую грамматику» — обыкновенный школьный учебник, не отличавший даже ц.-славянского и русского языков друг от друга. Главными источниками ее были: московское издание грамматики Смотрицкого и книга Ломоносова. Некоторые изменения в ней, в сравнении с Ломоносовым, представляли даже шаг назад.

Вышедшее в то же время «Рассуждение о старом и новом слоге российском» А. С. Шишкова (1803 г.) в научном отношении совершенно ничтожно. Он не отличал ц.-славянского языка от русского: «под именем Славенских, Славенороссийских и Русских книг можно разуметь различных времен слоги, или язык в смысле слога... Но чтоб Славенской и Русской язык были два языка... сего различия в них не существует» (Булич. «Очерк», 693—694). Не зная греческого языка, он совершенно неправильно судил о неологизмах, считая тако-

выми только переводы с французского. Приводимые им этимологии основываются лишь на внешнем облике слов: сопоставляются часто слова, ничего общего не имеющие (Ягич. Э. С. Ф. I, 173). К немногим положительным сторонам работы Шишкова относится порицание чрезмерного пристрастия к иностранным словам и любовь его к русскому языку. Но, вообще, значение «Рассуждения» для научного изучения русского языка ничтожно. Упоминаем о нем лишь потому, что оно вызвало довольно продолжительный спор о старом и новом слоге,—спор, также мало давший для науки, но на некоторое время заинтересовавший общество разными вопросами языка и, следовательно, косвенным образом подготовивший дальнейшее движение в научном исследовании разных сторон русского языка. Спор Шишкова и немногих его приверженцев с «Карамзинистами» — последователями нового слога, а также вообще по разным вопросам языка тянулся долго: он поднимался по выходе всякого нового сочинения Шишкова, в котором он обыкновенно с упорством и заносчивостью отстаивал свои взгляды о тожестве русского и ц.-славянского языков; лишь кое-где разговорный русский язык он признавал наречием славянского (= ц.-слав.) языка; везде он поддерживает и свои невозможные этимологии. Таковы, напр., его сочинения «Рассуждение о красноречии св. писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно» (Спб. 1811). К рассуждению были сделаны разные «присовокупления». В том же году Шишковым напечатаны «Разговоры о словесности», в которых среди разных нелепостей есть и ценные замечания «об отличиях старинного русского стихотворства», т. е. народного поэтического языка, где правильно отмечены тавтологические выражения, эпитеты, имена уменьшительные и ласкательные и т. п. (Булич. «Очерк», 749—764). И эти споры также возбуждали в интеллигенции интерес к языку и подготовляли почву к возникновению настоящих лингвистических трудов, которые постепенно и начали появляться.

Этот интерес к языку и древним памятникам письменности (припомним, что и «Слово о полку Игореве» было напечатано впервые в 1800 г.) вызвал и появление статей зачаточного характера по палеографии. Так в «Сев. Вестнике» 1805 г. явилось «известие о славном собрании рукописей Г. Дубровского», где перечислялись рукописи, указывалось, как возникло собрание, давались сведения о владельце; правда, здесь было много неточностей и преувеличений. Но эта первая ласточка вызвала и вторую — появление в 1806 году труда, положившего в действительности начало русской палеографии. «Письма к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутороканском» А. О(ленина). В составлении письма принимал участие и помощник Оленина А. И. Ермолаев. Здесь дано много снимков с камня, в разное время и разными лицами изданных, и с древних рукописей — Сборника Святослава 1076 г., Лаврентьевской летописи, Радзиволовской, с «Ярославля сребра» и некоторых других памятников. Не мало имеется и выписок из разных старинных произведений. Все это очень умело сделано «для сличения букв надписи Тмутороканской с древними нашими письменами». Сочинение написано с полным знанием целей палеографических исследований. Автор до того увлекается, что ему кажется, что он уже пишет «Славено-русскую палеографию», без которой, по его мнению, между прочим, трудно написать и русскую историю. Оленин не остановился на том, что сделал в 1806 г. Он собирал материалы для истории кирилловской азбуки по памятникам определенного времени, рисунки с разных памятников, между прочим и с тех, на которых есть разные надписи; многое начинал даже было печатать. В своей деятельности он как бы невольно следовал желанию А. Шлецера, высказанному в 1802 г. в его «Nestors Russische Annalen»: «Когда же придет время, в которое русские вздумают составить славянскую дипломатику, славянскую палеографию, будут учиться у Гаттерера и Шёнемана, соберут в хронологическом порядке славянские азбуки для каждого столетия особенно?»

Тем же интересом к языкознанию вызваны были рассуждения, касающиеся русского и церковнославянского языков,

иногда неопределенные, но все же приближающиеся к истине, в переписке еп. Евгения Болховитинова с гр. Хвостовым (Булич. «Очерк», 714 — 716). Еп. Евгению принадлежит и довольно обстоятельный палеографический труд: «Примечания на грамату Вел. Кн. Мстислава Володимировича... Новгородскому Юрьеву м-рю» (Вестн. Европы, 1818 г. №№ 15—16, снимок при 101 ч.). Дипломатический акт рассмотрен во всех отношениях.

Даже в таком общем журнале, как «Вестник Европы», нашли место статьи по языку и палеографии, очевидно интересовавшие тогдашнюю интеллигенцию. М. Т. Каченовский в 1809 г. напечатал: «Об источниках для русской истории» (ч. XLIII, XLIV и XLVI), где подробно говорит о русской палеографии: материале, на котором писали, о почерках — уставном, полууставном и скорописи. Рассматривает некоторые памятники (Реймское Ев., Сборник Св. 1076 г. [ошибочно 1046], Стихирарь 1157 г., списки летописей и под.), заводит речь о «рунических древлянских» рукописях, библиотеке Анны Ярославовны, высказывает пожелание о составлении кем-либо славянской азбуки по векам. Тут же он касается и языка ц.-славянского, представление о котором, повидимому, он имел не вполне установившееся: то «славенский язык есть отец всех наречий» — т.-е. праславянский, «что некогда он один был в употреблении», что после распался на наречия, что из него образовался и нынешний русский; то он был общенародным не в России, а в Моравии и Булгарии. Он разнится не только от современного русского, но и от языка древнерусского. Тут же отмечаются вольные и невольные описки писцов, вызванные их природными говорами. Таким образом эта статья возбуждала ряд интересных вопросов у историка и лингвиста.

Из работ несколько продвинувших научное изучение русского языка в это время следует назвать книгу учителя Выборгской гимназии А. В. Таппе: «Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen» (Спб. Рига. 1810), выдержавшую несколько изданий. Хотя это школьный учебник, но он внес новизну в спряжение, хромавшее и после

грамматики Ломоносова. Воспользовавшись взглядами Кенигсбергского ориенталиста и богослова Фатера, изложенными в его «Praktische Grammatik der Russischen Sprache» (Leipzig. 1808), на особенности русского спряжения, он впервые, после намеков Смотрицкого, развивает систему видов в русском глаголе, вследствие чего сокращает число времен, доходившее у Ломоносова до 10. Указанные им виды с незначительными изменениями отмечаются в грамматиках и до сих пор. В книге Таппе дан еще очерк истории русского языка, изложение главных моментов во внешней его судьбе, с указанием разных влияний на русский язык. Отзывы современников из русских об этой книге в общем были хвалебные, хотя и не все могли оценить главные ее преимущества; иностранцы вообще были в восторге (Булич. «Очерк», 733 — 739).

В это же время в Харькове вышла книга проф. И. Ф. Тимковского: «Опытный способ к философскому познанию российского языка» (1811), представляющая, по своему построению, во многом странное явление (Булич. «Опыт», 559 — 561), по проводимым в ней взглядам — смесь старины, во многом уже отжившей и оставленной критикой, с новыми очень серьезными веяниями, требовавшими установления связи в жизни языка с историей самого народа. Особенно замечательна в этом отношении VIII глава книги: «Древности языка Славено-Российского и отношения его к другим языкам», где, собственно говоря, предпринята попытка дать историю русского языка, начиная от эпохи — сказали бы мы — праславянской. Правда, при выполнении этой попытки отразилась вся шаткость тех quasi-научных приобретений, которые были сделаны до того времени. Автор правильно выходит из положения, «что история народа содержит в себе и историю языка его», но не имея твердых филологических знаний, по примеру своих предшественников, не возводит русский язык к праславянскому и вместе с последним — к индоевропейскому праязыку, а усматривает в нем сходство с «самскретом, которым одни брамины говорят и пишут, и с кельтским». Производя славян от сарматов, «корнем языка их мидский принимаем», говорит он. Затем он помещает славян

на Дунае, откуда они рассеялись по разным странам, и язык их распался на разные наречия. Дальше обозреваются влияния на славян разных соседних народов, от которых к ним зашли иностранные слова (от готов, чуди, татар, европейских народов). Покончив с внешними влияниями на язык славян, в данном случае русских, автор обозревает внутренние события, которые содействовали образованию наречий (новгородского, киевского и московского). Литературный язык наш является результатом слияния и очищения этих наречий. Образцом он имел переводы книг св. Писания, сделанные в Моравии и Киеве и др. местах. Язык изменялся далее и под влиянием школ, а также от того, что с распространением просвещения в язык и в грамматику вошли «бесполезные или уродливые речения, иностранными языками нанесенные». В языке русском Тимковский различает пять периодов: три до XVII в. и два до своего времени. В 6-м отделе VIII главы идет речь и о различиях русского языка от ц.-славянского. Автор правильно представляет себе те стороны, на какие следует обратить внимание (произношение, отличие в некоторых звуках, в формах склонения и спряжения, в синтаксисе и словаре), но за неимением прочных знаний он часто путает черты обоих языков, особенно, когда идет речь о высоком слоге. В книге много всяких примеров, приведенных часто правильно. Таким образом замысел Тимковского был широк, но выполнен, по состоянию тогдашней науки, не обстоятельно и ненадежно. Во всяком случае его работа ясно показывала, что вопросы истории языка уже, так сказать, носятся в воздухе и над ними пора задуматься.

Интерес к русскому слову в начале XIX столетия вызвал и возникновение в Москве в 1811 г. Общества Любителей Российской Словесности, деятельность которого, в свою очередь, поддерживала вопросы языкознания и содействовала их развитию. Оставляя в стороне словесность, отметим лишь те вопросы, которые касались языка. При открытии Общества и в первую годовщину его существования его первый председатель А. А. Прокопович-Антонский решительно отмечает, что успехи словесности зависят от разработки

языка; что нам нужно иметь точно установленные нормы языка, определенно выработанные — синтаксис и семазиологию, ясно очерченные правила постановки ударения. Все это у него хотя и в смутных выражениях решительно подчеркнуто. В изданиях Общества со-временем и явились первые научные статьи по указанным вопросам. Интерес к разработке вопросов русского языка Общество поддерживает, предлагая задачи для конкурсных сочинений, напр., в 1812 «Показать причины изменения русского языка и влияние, полученное им от иностранных языков, как-то: Польского, Латинского, Немецкого и Французского и невыгоды, от сего происходящие». Затем присоединены сюда еще вопросы о влиянии языков Греческого и Татарского (Труды Общ., ч. IV, 184—185, 203). После некоторого перерыва деятельности Общества вследствие войны и Московского пожара — в 1818 г. была предложена новая конкурсная задача: «Показать изменения российского языка от древних времен до осьмогонадесять столетия, принимая в основание памятники древней словесности: песни, сказки, предания, пословицы, надписи и другие письменные остатки» (Труды Общ., ч. XII, 131). Все эти меры, выдвинутые временем, и разные работы, касающиеся языка, сильно оживили, как мы уже отмечали, интерес к языку. «Никогда не было столько ученых прений в рассуждении языка, как ныне. Знак благоприятной! Утешительная надежда», в риторическом пафосе восклицает Мерзляков в «Рассуждении о российской словесности в нынешнем ее состоянии» (Труды Общ., ч. I, 73). Были даже попытки дать ответы на поставленные для конкурса вопросы. Затрагивался даже вопрос о том, что представляет из себя язык «славенский» — ц.-славянский. Есть ли это, как полагал Шлецер, язык праславянский (общеславянский), или же это язык, на котором говорило какое-нибудь одно славянское племя. М. Т. Каченовский («Вестн. Евр.» 1816, ч. 89, и «Труды Общ.», VIII, 160) правильно уже доказывал на основании свидетельств средневековых писателей, что уже в V—VI в. славяне жили на большом пространстве и не могли говорить на одном общем языке, а следовательно в IX в., когда ц.-славянский язык стал ли-

тературным, он был наречием праславянского языка, на котором должны бы сказаться особенности солунского говора и моравского. Но, не находя в потомках этих говоров сходства с ц.-славянским, Каченовский, а затем и Карамзин (История Г. Р., I, 250) не прочь были допустить высказанную тогда на Западе гипотезу, считающую ц.-славянский древне-сербским языком. Во всяком случае тожество ц.-славянского с русским уже порывалось. И другие лица (как К. Ф. Калайдович в решении вопроса, на каком языке было писано «Слово о полку Игореве», ср. Булич. «Очерк», 776 — 778) также ширили и углубляли материал для решения разных вопросов по истории русского языка.

Видимо наступало уже время стать на твердую почву в научном изучении русского языка. Подготовительных работ сделано было не мало. Самые ошибки предшествовавших больше любителей-исследователей, очень кстати обнаруженные, показывали, куда не следует итти, и таким образом научный интерес само собой направлялся по правильным путям. Нужно было только явиться талантливым работникам, чтобы добиться желанных результатов. Первым из них по времени оказался А. Х. Востоков, явившийся настоящим русско-славянским филологом в России, по словам Копитаря, «почти неожиданной зарей настоящей славянской филологии на восточном небосклоне славянской земли». Востоков (с детства обрусевший немец) был филолог самоучка, увлекавшийся языками, как видно из его бумаг и собственного свидетельства (ср. Сборник ОРЯС, т. 70), еще на школьной скамье (кадетский корпус) и затем по окончании архитектурного отделения Академии Художеств. В его бумагах сохранились первые опыты (еще до 1802 г.) сопоставления коренных и первообразных слов «славенского» языка, разросшиеся со-временем в рукопись «Этимологич. словорасписание», которая могла бы дать, по словам И. Срезневского, до 40 печатных листов (Булич. «Очерк», 653 — 669). Уже самые ранние этимологические сближения свидетельствуют о верном чутье Востокова, а в дальнейших много удачных сопоставлений. Делал он это для указания разных степеней родства между сравниваемыми им

языками, по отношению же к русскому языку он имел в виду своею работой «пресечь единожды навсегда произвольные и неосновательные словопроизвождения, каких у нас немало выкидывала в свет самоумная неученость или всеугадывающая полуученость». Конечно, и у самого Востокова было еще много недосмотров, но его труд (неизданный) для своего времени был замечательным, указывающим, что его самообразование шло по правильному пути. Первый печатный его грамматический труд относится к 1808 г., именно: он поместил грамматические примечания в «Кратком руководстве к российской словесности» И. Борна. Тут он очень точно по своему времени формулировал случаи перехода *е* в *о* (село́ — сёла, — жена́ — жо́ны) и коснулся других фонетических и даже синтактических особенностей русского языка (напр., употребления «что» вм. «который»). Под руководством А. И. Ермолаева шло у Востокова и ознакомление с древними рукописями. К 1810 г. он уже основательно был знаком с такими памятниками языка, как Русская Правда, Поучение Владимира Мономаха и вообще Летопись Нестора, Слово о полку Игореве, Сборник Святослава 1076 г. и др. Уже теперь он ясно видел отличия древнерусского языка от др. ц.-славянского и уже теперь он ясно представлял, вопреки мнению Добровского, что напр., ъ в древнем языке не было бесполезною буквою, а обозначало особый звук, как отчасти это предчувствовали и некоторые его современники (Языков, Арцыбашев. Булич. «Очерк», 723). Прозорливому наблюдателю не трудно было заметить, что уже начиналась новая эра филологического изучения русского языка.

Эту новую эпоху открыл Востоков своим «Рассуждением о славянском языке, служащим введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (Труды Общ. Л. Р. С., ч. XVII, 1820). Это небольшое по объему сочинение было очень богато по своему содержанию, заключая в себе много открытий и мыслей. Автор его обнаружил замечательную свою эрудицию и прекрасное знакомство с древними памятниками и с другими славянскими языками, послужившими богатым матерьялом для сравнения.

Тут Востоков дает сначала широкое обозрение славянских наречий, указывает главнейшие признаки, по которым они различаются, касается классификации Добровского и более точно отмечает место русского языка, занимающего, по его мнению, середину между юговосточными и северозападными наречиями (ему свойственны приставки *роз-* и *вы-* и некот. др. черты); ц.-славянский язык он делит на древний, средний и новый; устанавливает точно отношение др.-русского языка к ц.-славянскому, а также и к другим славянским языкам. В истории русского языка устанавливает также три периода: древний (до второй половины XIV в. — язык Русской Правды, Слова о полку Игореве, Поучения Владимира Мономаха), средний, (— язык Судебника и Уложения) и новый (с XVIII в.). Предполагает на основании древних памятников, между прочим Фрейзингенских отрывков, большую близость славянских языков в старину. Переходя к рассмотрению отличий др. ц.-славянского языка, он в сжатом очерке перечисляет главнейшие черты и сообщает особенно ценные наблюдения относительно ъ и ь, а также ѫ и ѧ. Относительно ъ и ь он более подробно развил уже раньше сложившееся у него мнение о том, что это были гласные произносившиеся особенно. В этом случае познания Востокова стояли выше, нежели у его современника Добровского, который признавал ъ ненужным знаком. Истинную природу ѫ и ѧ, как носовых гласных *о* и *е*, он уяснил посредством сравнения их с языком польским, где на месте их слышатся ą и ę. К сравнению привлечены и данные среднеболгарских памятников. Таким образом, сравнительный метод, к которому обращался Востоков в своих наблюдениях над языком еще с 1802 г., привел к блестящим результатам. В этом же рассуждении Востоков подчеркивает важность изучения рукописей и вообще палеографических изысканий. В примечаниях к рассуждению также отмечено несколько важных наблюдений по разным вопросам русского и славянского языковедения.

«Рассуждение» Восткова, с нашей точки зрения, не лишено и некоторых недостатков (ср. Булич. «Очерк», 781), но оно действительно было «неожиданной зарей славянской филологии», произведшей в ней целый переворот. На Востокова все

стали возлагать большие надежды, и Российская Академия поспешила избрать его в свои члены. Очень лестно отозвался о внимательных и глубоких замечаниях его Евгений Болховитинов и высказал пожелание, чтобы он издал такую славянскую грамматику, какой еще не было ни у одного славянского племени. О славянской грамматике мечтал и сам Востоков и к выполнению этого намерения шел правильным путем, изучая богатейшие рукописные собрания Публичной библиотеки, а затем и других книгохранилищ. С 1823 г. начинаются его переговоры с Румянцовым относительно описания рукописей богатейшего его собрания. Румянцов охотно снабжал Востокова разными библиографическими пособиями и редкими изданиями. Последний очень усердно занялся этим делом и выполнил его в высшей степени образцово, так что его «Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума» (Спб. 1842, F°, 839) является до сих пор примером подражения для подобных работ. Кроме внешнего описания рукописей, оно содержит в себе столько библиографического, палеографического и лингвистического материала, что уже по одному ему можно составить отдельные цельные исследования, как и поступил в свое время, напр. А. Н. Пыпин, написавший «Материалы для славянской палеографии из «Описания Румянцовского музея» (Учен. Зап. II Отд. А. Н., кн. II, вып. II, 1856). Во время составления «Описания рукописей Рум. Муз.» Востоков выпустил еще образцовые грамматические объяснения на три статьи Фрейзингенской рукописи «Собрание словенских памятников, находящихся вне России», составл. П. Кеппеном. Спб. 1827). И еще один труд явился в это время, это — русская грамматика заказанная, ему Департаментом Министерства Нар. Просвещения. Она сразу вышла в двух видах — сокращенная в 1831 г. и «Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная» (Спб. 1831). Тут очень много весьма ценного фактического материала, обдуманно собранного; недостает только глубоких теоретических обоснований и выводов. Представленный здесь Востоковым материал послужил основанием для после-

дующих бесконечных грамматических трудов других авторов, до А. А. Шахматова включительно.

В это же время Востоков готовил к изданию знаменитое Остромирово Евангелие, которое и выпустил в 1843 г. (Спб.), давши образец настоящих палеографических изданий памятников. Весь текст нарочно приготовленными для этого буквами напечатан «знак в знак, строка в строку, страница в страницу; под славянским текстом текст греческий; в приложении отмечены описки писца; рассмотрен грамматический строй языка дан полный указатель; приложены снимки» (И. Срезневский). Всюду точная наблюдательность, удивительно верная передача фактов, отсутствие гипотез.

Востоков принимал участие и в словарных работах. Так под его редакцией вышел 2-ой том Академического словаря 1847 г., а также «Опыт областного словаря» 1852 г. с «Дополнением» 1858 г. Наконец им составлен и выпущен Ц.-Славянский словарь 1858—1861 г., значительно превышавший 1-ое изд. словаря Миклошича и не утративший своего значения и после выхода 2-го изд. Миклошича «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum». Давно ожидаемая от Востокова ц.-славянская грамматика вышла в 1863 г.: «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам» (Спб.). Правда, и здесь, как и в русской грамматике, больше изложение фактов, без их объяснения, для которого у Востокова тогда еще не было материала. Ему принадлежит еще несколько отзывов о разных работах по ц.-славянскому и русскому языкам, содержащих немало ценных данных (ср. Ягич. Э. С. Ф., I, 222).

Деятельность Востокова настолько выделялась из общего хода научной работы его современников, что труды последних перед нею совершенно стушевываются и кажутся незначительными, хотя в предшествующее время и они показались бы ценными. Таковы, напр., работы Н. И. Греча «Опыт о русских спряжениях» (1811 г.), составленный применительно к книге Таппе, без упоминания его имени и с некоторым искажением фактов; таковы его пространная и практическая русская грамматика (1827 г.), явившиеся еще в нескольких видах; сюда же

принадлежит «Опыт истории русской литературы», во введении к которому он касается и общих вопросов по славянскому языкознанию (Булич. «Очерк», 787—789). Таковы же работы И. Сев. Фатера (ib., 789—793), Н. Полевого (ib., 797—802), где разумно поднят вопрос о праславянской грамматике, получивший некоторое разрешение лишь в наше время, и др. труды.

Однако один кружок ученых работников и при деятельности Востокова не оставался в тени—это кружок гр. Румянцова, занимавшийся собиранием, палеографическим изучением и обнародованием разных рукописей и вообще археографическими изданиями. В нем принимал участие некоторыми своими работами и Востоков. Такое палеографическое издание рукописей и вообще точное их изучение подготовляло к правильным суждениям о древнерусском языке и литературе, а грамоты, договоры и летописи давали обильный и проверенный материал для исторических изысканий вообще. Из деятелей этого кружка следует отметить К. Ф. Калайдовича, который, по свидетельству Погодина, близко его знавшего, был любителем, знатоком, искателем древностей: рукопись, книга, камень, крест, образ, монета—одинаково привлекали к себе его внимание и подавали повод к самым тщательным и подробным исследованиям. Он, можно сказать, жил в библиотеках, беспрерывно рылся в рукописях и вследствие этого открывал одну интересную вещь за другою, напр., Святославов сб. 1073 г., слова Кирилла Туровского, характерную рукопись Иоанна экзарха болгарского и др. Из изданий его, имеющих значение для палеографии, отметим «Памятники российской словесности XII в., изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков» (М. 1821), «Иоанн, экзарх Болгарский» (1824), сочинение, в котором приведено в известность множество важнейших и любопытнейших сведений о древней письменности. Тут же имеются хорошие снимки (16 гравированных изображений). Вместе со Строевым Калайдович издал «Обстоятельное описание славянороссийских рукописей, принадлежаших библиотеке гр. Ф. А. Толстова» (М. 1825). К описанию приложены «Палеографические та-

блицы почерков с XI по XVIII в.» (М. 1825). Палеографическая деятельность Калайдовича вместе с другими представителями Румянцовского кружка очень обстоятельно рассмотрена у Булича («Очерк», 802 — 942). Было ясно, что основательно-научное исследование русского языка без палеографически точного издания памятников и вообще без научного ознакомления с рукописями не возможно.

Нужды времени настоятельно требовали от ученых, занимающихся исследованием русского языка, хороших словарей — русского и ц.-славянского языков, так как прежние словари были несовершенны, да и разошлись. Это чувствовали и Российская Академия и Общество Л. Р. С. Но Академия могла выпустить только 2-ое изд. своего словаря. Хотя оно и превосходило 1-ое изд. количеством слов и разными поправками, но все же было далеко от совершенства; о разных новых лексических трудах делались только постановления, да представлялись проекты, а лиц сведущих и работоспособных не было (Булич. «Очерк», 944 — 965).

За осуществление мысли словопроизводственного словаря русского языка взялось московское Общество Люб. Р. С. Но и тут дело ограничилось только обсуждением плана издания и отчасти собиранием материалов (ib., 965 — 977). Если однако Обществу не удалось издать словопроизводственного словаря, то оно все же имело успех в другом отношении: оно энергично принялось за скопление материалов по русской диалектологии; правда, эти материалы ограничивались лишь лексическими данными, но их было получено немало из разных мест, и они не утратили своей цены и до сих пор. Некоторые из таких собраний были и напечатаны (ib., 977—1002). По малорусскому языку даже явилась печатная «Грамматика Малороссийского наречия» А. Павловского (Спб. 1818), тут же словарик в 1130 слов. В это время в журналистике уже раздается голос (П. И. Кеппена): «чтобы со-временем какое-либо ученое заведение познакомило публику со всеми наречиями отечественного нашего языка с приложением и списком слов оных» (Булич. «Очерк», 598,983). Тут пока еще простой интерес к народной речи, но со-временем будет

понята и важность ее исследования самой по себе и для исторического изучения языка. Все более или менее ценые грамматические труды XVIII в. не могли совершенно обойтись хотя бы без упоминания некоторых особенностей народного языка: о них упоминает Ломоносов, Шлецер, Тредьяковский, даже такие дилетанты, как Сумароков и др. В XIX в. с подъемом общего интереса к языку возрос интерес и к народной речи, о чем свидетельствуют разные большие рукописные статьи и собрания слов этого времени у Кеппена, сообщения Калайдовича, Каченовского, Евгения Болховитинова и др. (ср. Булич. «Очерк», 1100—1141). Некоторые в своих определениях даже очень близко подходили к современным, выработанным наукой схемам делений живого русского народного языка на говоры и наречия (еп. Евгений. Булич. «Очерк», 1124—1125). Были даже набросаны проекты этнографического атласа России — у Кеппена (ib., 1128). Предполагалось собранный материал непосредственно проверить на местах, для чего между прочим был командирован Адам Чарноцкий (Зориан Доленга-Ходаковский). Правда, собранный им материал не имел особой ценности, так как этнограф, по тогдашнему состоянию науки, не знал, на что собственно следует обращать особенное внимание в народном языке и как записывать подмеченные черты. Таким образом общий интерес к языкознанию, развившийся в начале XIX столетия, распространился и на диалектологию. Видно было, что наступило время и народную речь привлечь к изучению. Хотя перед нами и крупицы знаний, но и ими нельзя брезгать при научном ознакомлении с языком и при собирании и подготовке материалов для истории русского языка. В следующие десятилетия развившийся интерес к русскому языку дал уже солидные труды.

Из предыдущего изложения можно было видеть, как чисто эволюционным путем развивалось у нас изучение русского языка, как постепенно зарождались и возрастали разные области языкознания. Однако если бы продолжалось господство только практической грамматики хотя бы и с уклоном в общую философскую грамматику, даже с элементами палеогра-

фии и диалектологии, а также сравнений с некоторыми другими славянскими языками, мы все же не скоро перешли бы к историко-сравнительному изучению родного языка; нужно было, чтобы в филологической науке произошли некоторые особые события, которые заставили бы изменить точку зрения при занятиях языком. Мы подходим к сороковым годам прошлого столетия, когда сношения с Западом в области науки стали налаживаться и когда наши лучшие ученые, больше представители университетских кафедр, познакомились с зарождавшимися там в это время новыми методами и особыми целями при изучении языка. Пришлось убедиться, что практическое изучение грамматик с целью правильно говорить и писать, а затем пользоваться этим средством, как орудием, помогающим нам поскорее приступить к ознакомлению с той или другой литературой и правильному ее пониманию, недостаточно. Под влиянием идей Гумбольта, Я. Гримма, Боппа, Потта и др. (Буслаев. «О преподавании отечественного языка» [2], 5) язык у нас становится предметом изучения сам по себе, как непосредственная цель. Для лучшего уразумения его явлений пришлось обращаться к сравнению с другими языками, да и язык известного народа рассматривать не в один определенный момент, а со всеми его видоизменениями в течение исторической жизни. Словом, прежнее филологическое изучение языка начало заменяться лингвистическим; возникло сначала сравнительное языкоучение на почве сродных языков, а затем и сравнительно-историческое изучение языка. Это дало возможность открыть в языке «целую жизнь народов со всеми богатыми и разнообразными ее отправлениями». Конечно, рядом с зарождающимся новым родом изучения языка продолжало еще долго держаться и старое, пытавшееся более или менее искусно средневековые схемы грамматики древних языков приспособлять к своему родному. Даже лучшие наши ученые и педагоги находили, что «отечественный язык по существу своему необходимо должен подвергаться и филологическому и лингвистическому способу исследования» (Буслаев. «О преподавании...» [2], 5). Грамматике все еще назначалась служебная роль — познакомить с формами склонений и спряже-

ний языка с синтаксисом, построенным на логике. Изучалась конечно только речь образцовых писателей. Сообщалось много правил с массой исключений, так как филолог не разумел внутреннего состава грамматической формы и не мог правильно объяснять ее. Таким образом лингвистическое изучение входило в жизнь с большою осторожностью; находили еще очень мало питательным для науки материал грубых диалектов, область которых представлялась безграничной. Всем еще памятны были массы неправильностей, исключений прежних грамматик; не могли еще привыкнуть к органической жизни народного языка. Долго еще носились в воздухе и отклики философской грамматики, в которой все грамматические формы и явления приурочивались к известным категориям отвлеченного мышления; изучались не явления языка, хотя бы и классического, не говоря уже о родном, а рассматривалось значение слов. Естественно, что явления родного языка приносились в жертву логическому изучению всех вообще языков. Такими чертами можно охарактеризовать конец тридцатых и начало сороковых годов в нашей русской науке по отечественному языкознанию: прежний интерес к языку, развившийся в начале XIX столетия все более и более разростался; появлялись новые запросы и направления, хотя и старые способы изучения языка продолжали еще держаться. Романтическое увлечение народностью у некоторых, естественно, вызывало и увлечение языком. Лица, знакомые с научными течениями и работами на Западе, старались то же развивать и у себя на родине.

Провозвестником новых идей в русском языкознании этого времени является прежде всего известный писатель, основатель научной этнографии Н. И. Надеждин (Пыпин. «История русск. этногр.», I, 234 и сл.). По языку им собственно сделано мало, но все это было в новом духе, с выдвижением изучения народного языка, как главного признака русской народности вообще. Так уже в своих журнальных статьях по русской литературе, напечатанных, напр., в Телескопе 1836 г., он решительно отделяет русский язык не только от ц.-славянского, но и точно определяет его место среди других славян-

ских языков — в особую категорию. Тут же он правильно характеризует и наш древний литературный язык, как ц.-славянский лишь с примесью русской речи. В другом месте согласно с истиной он выражается и о цивилизации культурного класса нашего общества и о его языке: «Русские слова, выгнанные из высшего общества, достались в удел простолюдинам; ... их звук кажется грубым и жестким; отвыкшее ухо не может выносить их; да они уж и не выражают того, что хотелось бы выразить; употребление в низком народе привязало к ним и смысл низкий» (Пыпин, I, 257). Народная речь все же корень и основание речи литературной; поэтому для синтактического улучшения литературного языка нужно обратиться к живой народной речи, в которой надо видеть своеобразное и натуральное биение пульса живого русского языка. Такие мысли проводил Надеждин в общих журналах еще в 1836 г. В последующее время по изучению живой народной речи им сделано еще более в разных этнографических трудах, возникших при его содействии. В «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара (IX. Спб. 1837) он более подробно развивает свои взгляды на русский язык, касаясь тогдашнего его состояния и даже исторических судеб. Тут между прочим впервые правильно подчеркнута причина (финское влияние) появления смешения *ч* и *ц* в северновеликорусском наречии. И на такую тонкую черту синтаксиса этого наречия, как «я пришедши» вм. «пришел», Надеждин тоже обратил внимание. В Венских «Jahrbücher der Literatur» 1841 г. (B. XCI, 181—240) им написана даже специальная статья «Mundarten der russischen Sprache», не столько впрочем характеризующая русские говоры, сколько затрогивающая происхождение их. Эта статья обратила на себя в свое время всеобщее внимание.

Как образец рассуждений в старом стиле, но уже значительно усовершенствовавшихся под влиянием новых научных течений на Западе и у нас, следует назвать работу протоиерея Герасима Павского «Филологические наблюдения» (Спб. 1841 — 1842). Современники, видя ученость автора (знал классические языки и еврейский), были в восторге от его

«Наблюдений». Востоков находил в них «полнейший и ученейший грамматический обзор нашего языка, какой мы доселе (1844 г.) имеем, и богатую сокровищницу разнообразных сведений для всех занимающихся сим языком» (Отчет о XIII присужд. Демид. наград, 41 — 50). Многие даже считали «Наблюдения» эпохой в истории нашей грамматики (Учен. Зап. II Отд. А. Н., III, XLIII — XLIV). Более трезвая оценка их была сделана лишь после выхода 2-го издания Ф. И. Буслаевым (Отеч. Зап. 1852, апр. — май). Он находил, что «Наблюдения» являются выражением переходной эпохи в нашей науке: в них много противоречий и непоследовательности, перехода от старых Шишковских взглядов к новым — Гумбольта, Боппа, Гримма; историко-сравнительный метод в них не выдерживается. Часто допускаются такие положения, напр., насчет придыхательного характера ь и ъ, для которых нет никаких исторических оснований. Сравнения слов основываются лишь на созвучиях, а не строгих фонетических законах. Не видно в авторе и знакомства со старинными памятниками и с живою народною речью. Но в труде Павского было и много отдельных ценных замечаний, отчасти не утративших своего значения и до сих пор.

Из словарных работ в духе переходного времени следует назвать сочинение Ф. Шимкевича: «Корнеслов русского языка» (1841). Здесь делаются сравнения со всеми славянскими языками и 24-мя иностранными. Материал по тогдашнему времени подобран добросовестно, но ошибочных сопоставлений, от которых не свободны и теперешние словари, не мало.

В ином духе, но также — сказали бы мы — переходного характера от прежней эпохи к новой филологические сочинения М. А. Максимовича (ср. III т. Собрания сочинений; отзыв о нем у Ягича. Э. С. Ф, I, 489 — 492). Специалист-ботаник, он, увлеченный романтическим течением в науке, рано переходит к занятиям филологическими вопросами и больше сосредоточивается на классификации славянских языков. Еще в 1827 г. он возражает Добровскому против его деления всех славянских языков на две группы: северозапад-

ную и юговосточную, при чем у него было уделено мало внимания русскому отделу. Не нравилось Максимовичу и деление на три группы, при чем восточной русской давалось особое место (как это, напр., сделано у Надеждина). Он все славянство во всех своих статьях обыкновенно делит сначала на две половины: I-ая половина: Словены Восточные или Русские, II-ая половина: Словены Западные. Затем в каждой половине отмечает по два разряда: в I-ой: 1. Словены северовосточные или Руссы северные, 2. Словены юговосточные или Руссы южные. То же и во второй половине: 3. Словены северозападные или Вендские и 4. Словены югозападные или задунайские. Поэтому у него все славяне собственно делятся на 4 группы. Деление довольно симметричное, но неправильное по существу, так как первая половина не может быть противопоставлена второй. Русские все вместе составляют со стороны филологической такую величину, как северозападные славяне и югозападные — каждые в отдельности. Таким образом у Надеждина больше было научного чутья. В критике примéт Добровского многое теперешней наукой не может быть признано правильным [1]), но в свое время оно с хорошей стороны характеризовало наблюдательность и пытливость автора и отмечало его прекрасное знание русского языка во всех его отраслях, без какого-либо шовинизма в пользу южнорусской его ветви. «Только совместным и подробным исследованием (всех русских наречий), в связи с наречиями западнославянскими, филология наша может раскрыть те законы, по которым образовались разные виды русской речи, в том числе и господствующий ныне язык русский, определить с точностью их отличительные свойства, — и добыть себе верную и прочную теорию» — так говорит Максимович в «Начатках русской филологии». Слова его не утратили своей силы и до сих пор. В этой статье Максимович более подробно делит восточную половину: I речь южнорусскую на 1 наречие малорусское и 2 наречие червонорусское; II речь севернорусскую на 1 великорусское наречие и

---

[1]) Ср. M. Weingart, Dobrovského Institutiones, II (v Bratislavě 1925), 96—100.

2 белорусское. Опять деление симметричное, но с точки зрения особенностей языка неправильное. В дальнейшем у него близко к истине уже отмечены и охарактеризованы северновеликорусское и южновеликорусское наречия. В южновеликорусском указаны даже два подотдела: а) наречие среднерусское и б) московское, лежащее в основе литературного языка. Главнейшие черты наречий подмечены правильно.

Максимович впервые очень обстоятельно изложил вопрос о русском полногласии, причем устраняет существовавшее мнение (Добровского) о финском влиянии или влиянии климата (Востоков) на развитие этой черты в русском языке. Говоря об отношении русского языка к ц.-славянскому, он затрагивает роль ъ и ь в том и другом языках и основательно возражает Павскому, хотя и сам об этих звуках еще имеет недостаточно ясное представление.

Языка Максимович касается еще в своих «Филологических письмах» к М. П. Погодину. Дело в том, что в 1856 г. появилась «Записка о древнем языке русском» Погодина (Изв. II Отт. А. Н. V, 70—92), утверждавшая тождество языка русского со старославянским, доказывавшая, что до татарского времени не существовало ни малорусов, ни их языка; что в Полянской земле жили великорусы. Работа, как можно видеть уже из сказанного, не имела научной цены. Максимович непосредственным чутьем, так сказать, видел неосновательность приведенных положений, и в своих «Филологич. письмах», «Ответных» и «Новых письмах» старался опровергать Погодина, а затем и П. Лавровского, вмешавшегося в спор. Доказывая древность малорусского языка и мнимое запустение Украйны после татарского нашествия, он высказал много правильных отдельных наблюдений; но по существу поднятые вопросы в то время еще не могли быть решены, так как история русского языка была только в проекте. Полемика все же очень заинтересовала ученый мир и выдвинула многие вопросы, которые по существу находят свое решение только теперь, да и то не вполне.

Вопросов языка Максимович касается и в «Истории древней русской словесности», особенно вопроса о классификации

наречий. «Рассказ его почти всегда занимателен, производит впечатление образованного начитанного человека, хотя бы без специальной филологической подготовки» (Ягич. Э. С. Ф. I, 492). Во всяком случае труды Максимовича не могут быть забыты при общей оценке разработки русского языка: в них — говоря словами Бодянского — всюду проглядывает наблюдательный ботаник-филолог, подмечающий часто такие, повидимому, мелочи, которые потом обращаются в основу весьма важных явлений.

Решительный поворот в сторону историко-сравнительного изучения русского языка у нас начался после выступления на поприще русского языкознания Ф. И. Буслаева, имя которого принадлежит к заслуженнейшим и в истории русского языка, и истории этнографии, и истории русской словесности. Он первый решительно стал па сторону идей Ф. Боппа, Я. Гримма и В. Гумбольта, которые господствовали тогда на Западе, и в своих сочинениях в течение трех десятилетий насаждал их в русской науке. Уже в первом его труде по этому предмету: «О преподавании отечественного языка», I — II (М. 1844, 2-ое изд. значительно сокращенное в одной книге. М. 1867), имеющем в виду собственно педагогические цели, Буслаев является решительным последователем сравнительно исторического изучения языка, что ясно он подчеркивает уже в самом начале книги, при определении предмета преподавания и методов его; то же и во введении ко второй части. Эта последняя часть всецело посвящена истории языка в обширном смысле слова, содержа в себе исторические материалы не только для грамматики, но и для стилистики. В изложении обычных частей грамматики везде ссылки на исследования подобного рода В. Гумбольта, Я. Гримма, Ф. Боппа и др., не говоря уже о цитатах из сочинений славянских ученых Караджича, Шафарика, Палацкого, Добровского, Юнгмана, Линде и др. Конечно все научное и ценное взято и у русских предшественников Буслаева — Востокова, Павского, Кеппена, Шимкевича, Бодянского и др. Не забыты даже наблюдения Тредьяковского и Сумарокова. Кроме чисто грамматических сведений, изложенных по сравнительно-историческому методу,

и обширных материалов для стилистики, мы встречаем здесь уже и такие отделы, как история архаизмов, стихии чужеземные — грецизмы, варваризмы в летописях и в народном языке, провинциализмы, расположеные даже по разным губерниям. Многие из материалов, приведенных здесь, не утратили своего значения и до сих пор; к ним обращаются в разных сочинениях даже без ссылки на тот источник, откуда они взяты.

Тесно примыкает сюда и магистерская диссертация Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык» («Опыт истории языка по Остромирову Ев.» М. 1848), написанная по образцу книги Р. Раумера: «Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache». Здесь Буслаев также старается применить общие положения и критический метод немецкой науки, чтобы определить предания и верования народа в период образования его языка, так как древнейшие формы эпической поэзии, по Буслаеву, ведут начало от образования самого языка; мифологические предания славян должны быть изучаемы в связи с преданиями других средневековых племен. Такой труд больше имеет археологически-бытовой характер, нежели строго лингвистический: это был первый опыт применить историко-сравнительное языкознание к древностям славянского языка; исследователь здесь заходит в такие отдаленные эпохи, куда еще никто не решался заглядывать на Руси. Буслаев доказывает здесь, что славянский язык еще задолго до Константина и Мефодия подвергся влиянию христианских идей; перевод Евангелия отличается чистотою выражения христианских понятий: все намеки на прежний языческий быт здесь совсем отсутствуют, тогда как готский перевод, с которым он сравнивает славянский, резко отражает языческое начало. Судя по языку можно притти к заключению, что в эпоху перевода св. Писания на Славянский язык у славян господствовало начало семейное, тогда как у готов во время перевода Ульфилы замечалось большее развитие понятий государственных. Вследствие этого для выражения разных отвлеченных понятий приходилось обращаться к грецизмам, удерживая их в собственной форме или переводя буквально. Из

рассмотрения языка перевода Буслаев делает заключение о характере того народа, на язык которого сделан перевод, и отчасти о самих переводчиках (А. Котляревский. «Древняя письменность», 120 — 124). Тем же вопросам посвящены впоследствии и работы Миклошича, исполненные по строго лингвистическому методу; но Буслаевское сочинение замечательно уже по тому, что оно первое в этом роде; выдается оно и по тому чувству любви к языку и народности, которое всюду проникает его.

Третье сочинение Буслаева по языку это — его «Опыт исторической грамматики русского языка», ч. I и II (М. 1858), переименованное во 2-м издании (1863) в «Историч. гр. р. языка». Книга эта явилась не плодом университетского преподавания, а составлена была по поручению военного ведомства в качестве пособия для учителей. Отличие этой работы от других грамматик указано самим автором в предисловии к «Опыту». 1) Современный книжный язык является результатом исторического движения и взаимного влияния русской речи разговорной, изменяемой по местностям, и языка ц.-славянского, положенного в основу нашей грамотности; поэтому историческая грамматика литературного языка ведется в непрерывной связи с изучением ц.-славянского, сравнительно с ним. 2) Историческая грамматика объемлет всю область русского языка, не только литературную речь, но и народную, так как в противном случае без знакомства с речью разговорной невозможно объяснить всех особенностей языка книжного. 3) Таким образом все свои выводы историческая грамматика основывает на авторитете не только письменных, но и устных памятников языка, подчиняя личное суждение грамматиста свидетельству фактов, почерпая последние из всех лучших авторов от Ломоносова до Пушкина. Она не замалчивает, подобно практической грамматике, такие факты языка, которые взяты из живой речи, словом, историческая грамматика избавляет себя от обязанности следить за чистотой речи. 4) Все свои положения, грамматические законы истор. грамматика выводит из фактов; орфографию она основывает на этимологии, а в синтаксисе стремится определить правиль-

нейшее отношение отвлеченных приемов логики к формам языка. 5) Историч. грамматика соединяет оба способа изучения языков — филологический и лингвистический: изучает она тщательно образцовых писателей, но при объяснении форм она придерживается законов, открытых сравнительно-историческою лингвистикою.

В свое время «Историч. гр.» Буслаева составила эпоху в русском языкознании, вызвала несколько серьезных отзывов специалистов (К. Аксакова, П. Лавровского, Майкова, Гатталы, Колосова и особенно Потебни) и послужила в сокращении образцом, особенно синтаксис, для учебников по русскому языку в средней школе почти до нашего времени. Теперь, когда наука ушла значительно вперед, о ней могут быть высказаны более трезвые суждения: это грамматика русского языка, сближенная с церковнославянской, построенная на логической основе. Тут множество метких наблюдений в области старинного языка, а также живых русских говоров; все эти наблюдения и вводятся в изложение. Даже сравнительный славянский и индоевропейский элемент, больше в качестве приложений, «для желающих», принимается в расчет. Но систематического изложения истории русского языка здесь нет; не имеется здесь и систематического анализа всех явлений русского языка, как это сделано в образце для Буслаева в «Deutsche Grammatik» Я. Гримма. Правда, автор в духе идей Гримма везде старается поднять в глазах читателя «значение языка как народной святыни, богатого сокровища многих дорогих и важных воспоминаний, уцелевших в течение столетий. В доказательство собраны Буслаевым цветки по полю древнерусской письменности или произведений народного творчества, не систематически, а с тонким подбором» (Ягич. Э. С. Ф., I, 537). В настоящее время после крупных успехов изучения древнерусских памятников и народных говоров, а также после появления классических трудов Потебни по синтаксису — грамматика Буслаева имеет только исторический интерес.

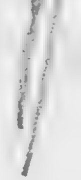
В серии «Учебных руководств для военных учебных заведений», кроме грамматики Буслаева, явился еще очень объемистый том «Историческая христоматия ц.-славянского и древ-

нерусского языков» (М. 1861) — очень важный сборник, обогативший славянорусскую филологию отрывками и целыми образцами старинных памятников, напечатанных не только палеографически точно, но еще и с очень ценными характеристиками, примечаниями литературного и грамматического содержания. Тут оказались некоторые памятники не известные до тех пор читателям даже по имени. Книга предназначалась для средних учебных заведений, но там она конечно не могла найти применения по своему характеру; для высших заведений она долгое время была незаменимым пособием. Сокращение ее, заново проредактированное учениками Буслаева, равно как и извлечение из «Историч. грамматики» до сих пор являются украшением нашей педагогической литературы для средней школы.

В заключение еще следует упомянуть об одном труде Буслаева палеографического характера, имеющем отношение и к истории языка, это — «Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Моск. Син. библиотеки, с приложением 22 снимков» в издании «Материалы для истории письмен» (М. 1855). Исследование Буслаева является самой выдающейся статьей этого издания. Эта работа, как и другие, исполненные Буслаевым, возбуждают интерес к русскому языку и его древним памятникам, а также уважение к автору.

В духе исторического изучения языка и немногочисленные, но ценные работы П. С. Билярского. Под влиянием рано умершего слависта Прейса он изучал «Судьбы церковного языка». Так как в России из югославянских рукописей распространялись главным образом среднеболгарские, которые влияли и на русский литературный язык древнего периода, а у церковных писателей и среднего, то Билярский и решил подвергнуть их всестороннему исследованию со стороны языка и орфографии. Сюда принадлежат его работы: «Судьбы церковного языка. I. О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку Летописи Манассии» (Спб. 1847, 2 изд. 1858). II. «О кирилловской части Реймского Евангелия» (Спб. 1848). В первой работе он рассматривает язык Летописи Манассии

по Син. списку. Остановился он на этом памятнике потому, что он еще не потерял свойств древнего языка и в то же время имеет ясно выраженные особенности своего времени, которые являются, в свою очередь, переходною ступенью к позднейшему болгарскому языку. Анализ памятника произведен очень внимательно, но все же делать заключение о среднеболгарском вокализме по одному памятнику не возможно. Но во всяком случае автор стоял на правильном пути: исследовать сначала отдельные памятники, а затем делать общие выводы. О кирилловской части Реймского Евангелия, по тогдашнему состоянию науки, он не пришел к правильному выводу: относил его к молдаво-валашской редакции и видел в нем памятник XIV в. После новейших исследований его, несомненно, считают русским памятником XI в. Специально русскому языку у него посвящена работа: «Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи» (Зап. А. Н. 1862, II, 109—120). Она носит историко-литературный характер. В виду разницы слога Билярский не допускает возможности, чтобы они принадлежали одному и тому же автору. В методологическом отношении работа ценная (о личности Билярского и других его работах у Котляревского. Д. Р. П., 108—110, 167, у Ягича Э. С. Ф. I, 545—548, и у Истрина. «Письма к академику П. С. Билярскому». Одесса 1906).

Совершенно в ином роде грамматические работы современника Буслаева известного славянофила К. С. Аксакова. Хотя он и был знаком с трудами Буслаева и даже писал разбор его «Опыта истор. гр.», но он был далек от тех течений в филологии, которые с Запада были занесены к нам Буслаевым. В своих воззрениях на самобытное развитие исторической и культурной жизни русского народа, он не допускал необходимости применения к научному изучению русского языка методов западной науки: русский язык в его глазах был совершеннейший язык, как и русский народ был совершеннейший народ, само человечество. Изучать его надо сам по себе, без всяких предвзятых теорий и зна-

комств с историческим и сравнительным изучением языка. Вследствие этого его работы по языку представляют странное явление: с одной стороны отголоски мудрований в духе времени Шишкова, философской грамматики и вообще философских рассуждений старших московских кружков, увлекавшихся Гегелем, с другой — у него заметно и некоторое знакомство с историей языка: русский язык не смешивается с ц.-славянским, он изучается сам по себе вне условий истории его образования и конечно вне связи и родства с другими славянскими языками; не обращает он внимания и на результаты добытые, другими исследователями, а довольствуется лишь общими философскими рассуждениями, которые поэтому у него висят в воздухе, оказываются праздными и для науки непригодными. Старшая его работа «О грамматике вообще», написанная по поводу грамматики Белинского еще в 1838 г. (Полное собрание сочинений, II, 3 — 21), представляет в зародыше все черты позднейших его трудов этого рода. Его диссертация «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846 г., П. С. С., II, 23 — 388), собственно касается истории литературы, но и данные истории языка здесь (см., напр., II, 111 sq.) привлекаются повсюду. Правда, не везде подчеркивается существенное, кое-где проводятся и ошибочные взгляды, но все же ц.-слав. язык не смешивается с русским; факты располагаются по столетиям хотя и не рукописей, а появления самих памятников. Народный язык противополагается литературному (ср. еще положения VI, VII и VIII). «О русских глаголах» (1855 г., II, 407 — 438) и «Критический разбор Опыта истор. гр. р. яз. Буслаева» (1859, II, 439 — 660) не вносят ничего нового и развивают такие положения, с которыми решительно нельзя согласиться. Первая статья такого рода, что лучше было не затрагивать этого вопроса: Срезневский и Буслаев дали о ней довольно суровые отзывы; первый хвалил эту статью, как философскую и сожалел, что она не филологическая. Не лучше и его «Опыт русской грамматики» (1860 г., III т.). Это философская грамматика, построенная на строго логической основе. Всюду много слов, очень риторических выражений, но к фи-

лологии все это не имеет никакого отношения; где встречаются чисто филологические рассуждения, они не имеют цены. Нельзя впрочем сказать, чтобы при написании своего «Опыта грамматики» Аксаков не сознавал необходимости привлечения исторических и сравнительных данных: «Нужно было бы изложить Русскую грамматику в ее возможной полноте, в историческом движении языка и в сравнительном отношении к древним и современным языкам», говорит он в предисловии. Но такое изучение он считает зыбким. На язык он смотрит с точки зрения таинственной, мистической. «Слово есть высшее земное проявление самого разума, русский язык есть совершеннейший язык». Отсюда понятно, что «в грамматике нашей устройство русского языка рассматривается в той мере, в какой он себе оное выработал, при чем русский язык рассматривается самостоятельно и отдельно даже от соплеменных наречий». После этого дальше уже было некуда идти.

Труды К. Аксакова по языку производят тем более странное впечатление, что одновременно с ними явилась, кроме исследований Буслаева, еще магистерская диссертация М. Н. Каткова: «Об элементах и формах славянорусского языка» (М. 1845), прямо построенная на почве сравнительного изучения языков, черпающей свою основу в немецкой науке. Привлечение у него, хотя и не в достаточной мере, исторических данных и показаний других славянских языков говорит о том же. Свои выводы он строил главным образом на живом литературном языке, но всетаки обращался и к древним памятникам и, подобно Востокову, иногда пытался исторически следить за судьбою некоторых звуков, напр. глухих. Исторического материала в его работе вообще мало, но он ясно сознавал его важность. Одно из положений его диссертации решительно говорит: «единственный путь ведет к изучению законов языка — историко-сравнительный». Хотя и незначительное обращение Каткова к древним памятникам дало ему возможность сделать такое наблюдение, как «второе полногласие», впоследствии обстоятельно обоснованное Потебнею, Соболевским и Шахматовым. В этой диссертации, по словам Ягича (Э. С. Ф. I, 915), «и ныне еще читатель охотно отме-

чает много светлых мыслей и любуется критическим остроумием автора».

Решительный поворот в пользу исторического изучения русского языка у нас наступил после появления книги И. И. Срезневского: «Мысли об истории русского языка» (напечат. сначала в акте Спб. университета 1849 г., с приложениями в 1850 г.). В предшествовавших работах Востокова, Буслаева, Максимовича и др. ясно подчеркивалась необходимость решения разных вопросов русского языка на исторической почве изучения древнерусских памятников; даже в журналах того времени обсуждались вопросы о слиянии в живых русских наречиях разных иноязычных элементов: финских (сюда возводили между прочим причину русского полногласия), скандинавских, польских (влияние последнего языка на образование малорусского и белорусского наречий). Явно русские черты в таких памятниках, как Остромирово Ев., Сборник Св. 1073 г., давали толчок для суждения о том, какова древность русских черт и вообще русского языка и некоторых его наречий; каково их отношение к другим славянским языкам; каково отношение ц.-славянского языка к русскому. Требовалось дать на все подобные вопросы ответ и притом не частичный, а в известной системе, на основании известных принципов. «Мыслями» И. Срезневский и намеревался ответить, притом в строго методической системе на все вопросы, вызываемые судьбой русского языка. Как первый опыт, «Мысли» еще не представляют из себя подробного специального исследования; однако в этой работе строго проведен один принцип: постоянное, беспрерывное развитие языков путем превращений первоначальных богатых и разнообразных форм. Это превращение наблюдается в языках других славян, оно же свойственно было и русскому языку. Срезневский еще не мог восстановить прарусского языка, но на основании других славянских языков допускал его близость к самому древнему из славянских языков ц.-славянскому, усматривая различия между ними лишь в немногом, в особой роли ъ и ь, в отсутствии носовых гласных, в полногласии (сущность которого он, однако, представлял себе неясно); в области согласных еще не отмечены

ч вм. шт (щ) и *ж* вм. жд. Кое-что подчеркивается в формах и синтаксисе. Время с X по XIV век он считал переходным, когда употреблялись еще одновременно старые и новые формы. Здесь конечно он не отличал ц.-славянских особенностей от русских, невольно входивших в оборот литературного языка, хотя в то же время он решительно заявляет, что книжный язык отличался от народного всегда. Эти отличия он впрочем в X — XIV веках видит больше в привычках слога, чем в грамматических формах. Прочное начало образованию языка русского, отдельного от языка, которым говорил народ, положено было в XIII — XIV в., тогда же, когда народный язык подвергся решительному превращению древнего своего строя. Время XIII — XIV века для русского языка, как и для некоторых других славянских наречий, было временем решительного перехода к новому строю, выказавшему резко все свои особенности в XV — XVI веках. В XIII — XIV веках образовались и главные русские наречия — великорусское и малорусское. «Временное отделение Западной Руси от Восточной не могло не наложить печати на местных видоизменениях нового книжного языка: в XVI — XVII в. его западное видоизменение довольно ярко отделилось от видоизменения восточного». В «Мыслях» указана еще одна очень ценная методологическая задача: сначала изучить в отдельности каждый памятник, затем каждое наречие русского языка, влияние на него иностранных элементов; так же должен быть разобран и литературный язык в отношениях лексикальном, грамматическом и литературном, не забывая ни писателей образцовых, ни небрежных и т. д., и только тогда возможно приступить к составлению исчерпывающей истории языка (Владимиров 66 — 71). Таким образом в «Мыслях» собственно только конспект и отвлеченные указания на то, чего должна касаться история языка. Сюда следует еще прибавить его статью «О древнерусском языке» («Известия», V, 65 — 70). Как бы в исполнение своей программы в «Вестнике Географ. Общ.» Срезневский напечатал: «Замечания о материалах для географии русского языка» (1851, I, 1 — 24), «Русь Угорская», отрывок из «Опыта географии русск. языка» (1852, IV, 1—28).

В этом же роде и статья: «Частные вопросы о местных видоизменениях русского народного языка» («Известия», I, 185—188).

И. И. Срезневскому принадлежит еще издание разных древнерусских текстов с палеографическими и лингвистическими объяснениями; тексты издаются полностью или только в извлечениях, таковы, напр.: «Сказание о св. Борисе и Глебе по Синод. сп. XIV в.» (Спб. 1860) — фотолитографическое; «Древние памятники русского письма и языка с XI по XIV ст.» («Известия», X, 1863 г.). Это опыт хронологического указателя памятников древнерусской письменности. Составление такого указателя с определением хронологии каждого памятника — задача, требовавшая самых разнообразных знаний, многосторонних соображений, справок и огромного труда. Достоинство книги возвышается еще тем, что во второй части дано немало текстов, бывших дотоле не изданными. Кроме того, к изданию приложен прекрасный атлас снимков (в X т. «Известий» сокращенный и более полный отдельно). Многие номера «Сведений и заметок» также касаются русских памятников (Ягич. Э. С. Ф. I, 474 — 475). Ему же принадлежит капитальный труд: «Материалы для словаря древнерусского языка», I – III (Спб. 1890 — 1911), изданные уже после его смерти детьми.

Начал было заниматься древнерусскими памятниками в духе Срезневского и даже написал диссертацию в этом роде его ученик А. С. Будилович, которому принадлежит «Исследование языка др.-славянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи XI в.» (Спб. 1871). Но как видно из заглавия сам автор относил свою работу к др.-славянской области, а не русской, да затем он и заниматься стал другими предметами, имеющими лишь косвенное отношение к русскому языку.

Положения И. И. Срезневского по языку, высказанные им в «Мыслях», нашли наилучшее развитие в работах его старшего ученика П. А. Лавровского. В своей диссертации: «О языке северных русских летописей» (Спб. 1852) он не допускает в древнейшую пору русского языка (до образования русского государства) какого-либо разнообразия в строе языка,

его фонетике и формах грамматических, которое давало бы право видеть в языке два наречия; различие севера и юга могло сказываться лишь в словаре, что зависело от причин естественных — климата и произведений природы. Различие началось лишь с XIII — XIV ст., когда южная Русь была покинута севером после татарского нашествия. Следуя пути, указанному Срезневским в «Мыслях», П. Лавровский бо́льшую часть работы посвящает рассмотрению отличительных свойств древнерусского языка (утрата *ъ* и *ь*, непереходное смягчение *г*, *к*, *х*, окончания *-амъ*,*-ами*,*-ахъ* во множеств. числе, утрата достигательного, аориста и имперфекта, двойственного числа и пр., привлечены и синтактические особенности). От него он отличает старинный русский язык, «образовавшийся после забвения форм и оборотов древних и господствовавший в произведениях письменности отечественной с XV века». Значит, он разумеет старорусский литературный язык, который сохранился не только в письменных памятниках, но оставил свои следы и в произведениях народного творчества. Это дает ему основание, рассматривая язык летописей, сравнивать его с народной речью. Особенное внимание он уделяет новгородским особенностям. Последних оказывается мало (главным образом смешение *ч* и *ц*), остальные же черты — общие с южнорусскими. Отсюда естественно следовал вывод, что наши древние летописи и другие памятники домонгольского периода писаны языком, отличным от малорусского (конечно принимаются во внимание черты современного языка). В этом случае Лавровский во взгляде сошелся с Погодиным и стал противником Максимовича. Значит, и Лавровский появление русских наречий, как и Срезневский, относит к XIV в., забывая о новгородских приметах, отмеченных еще Востоковым для XI в. и найденных им самим в северных летописях. В «Описании семи рукописей И. Публичной библиотеки» («Чтения» 1858, IV) он впрочем признаки новгородского наречия подчеркивает, хотя и не придает им особенного значения.

Из других его работ по русскому языку заслуживают внимания «Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке» («Известия», II, 1853);

«О русском полногласии» (ib., 1859), где он впервые выдвигает правильное наблюдение, что полногласные формы являются лишь в том случае, когда в неславянских родственных языках гласный предшествует звукам *r* или *l*; «Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими наречиями» (ЖМНП. 1859, № 6)— вопрос рассматривается здесь исторически. Когда возникло малорусское наречие — об этом он пишет в «Основе» 1861, № 8: «Ответ на письма Максимовича к Погодину о наречии малорусском» и № 11 — 12: «По вопросу о южнорусском языке»

Под влиянием «Мыслей» Срезневского занялся П. Лавровский и собиранием словарных др.-русских материалов, которые и помещал в издаваемых при редактируемых Срезневским «Известиях» — «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», это: «Выбор слов из летописей новгородских и псковских» (II т., 1 — 33), «Замечательные слова из Переяславской летописи» (ib., 126 — 128) (О других работах П. Лавровского у Ягича. Э. С. Ф. I, 548 — 550).

Говоря об историческом изучении русского языка в 50-х годах, нельзя обойти молчанием одного писателя этнографа, который не был специалистом филологом, но своими капитальными трудами много содействовал движению нашей науки вперед; имею в виду В. И. Даля. Его труды не были вызваны «Мыслями» Срезневского, но как раз соответствовали им в том пункте, где он требует предварительного изучения народного языка во всех отношениях. «Во всю жизнь свою», говорит Даль в своей автобиографии, «я искал случая поездить по Руси, знакомиться с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень... Сама жизнь на деле знакомила, дружила меня всесторонне с языком: служба во флоте, врачебная, гражданская, занятия ремесленные, которые я любил, — все это вместе обнимало широкое поле, а с 1819 г., когда я... убедился, что мы русского языка не знаем, я не пропускал дня, чтобы не записать речь, слово, оборот, на пополнение своих запасов». Так постепенно у этого врача, датчанина по происхождению, накоплялись богатства русского

языка. Одного у него недоставало — познаний по научной грамматике русского языка, реформировать которую он находил нужным (ср. Москвитянин 1842 г., I № 2, V № 9). Довольно ценная для своего времени его статья: «О наречиях русского языка» (V т. Вестн. Геогр. Общ. за 1852 г., перепечатана в предисловии к I т. Словаря 1 и 2 изд.). К недостаткам ее следует отнести неуменье Даля собранные им приметы подвести под общие грамматические правила, в чем сознавался и сам автор (Ягич. Критич. заметки об ист. р. яз., 8). Безусловно капитальным его трудом, которым он воздвиг себе памятник неувядаемой славы, является «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4 томах (выходил выпусками с 1861 по 1868 г.; 2 изд. 1879 г.; 3-ье и 4-ое лучшее, переработанное, под редакцией Бодуэна-де-Куртенэ 1903—1913). По словам самого Даля, «словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но и толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных. Слова: живого великорусского языка — указывают на объем и направление всего труда». В пояснение значения того или другого слова приводятся, кроме синонимов, пословицы, поговорки, изречения. Словарь Даля для своего времени, да и теперь, является самым полным собранием слов живого великорусского языка, который несомненно питает литературную речь. И для целей исторического изучения языка он незаменим, так как по нему можно определить живучесть старинных слов, вышедших часто из употребления в литературной речи. Словарь Даля имеет значение и для определения уровня русской культуры: «стоит заменить словарное расположение предметным, и исследователь получит в нем изображение современной жизни русского народа, живую картину его современного нравственного бытия и деятельности, его нужд и потребностей, его мыслей, наивных верований, нравов и обычаев» (Котляревский. Д. П., 176). К недостаткам словаря относятся неправильности в расположении по гнездам, основанные на неверном словопроизводстве; присутствие кое-где слов собственного составления (они, правда, в объяснениях); очень слабая обработка исторической стороны языка.

Некоторые из перечисленных недостатков устранены редакцией 3-го и 4-го изданий, пополнившей в свою очередь словарь новыми запасами.

Значение знакомства с народными говорами для истории языка сознавалось уже давно, как мы об этом говорили неоднократно, при чем внимание исследователей было обращено не только на фонетику и формы языка, но и на словарь. За первую половину XIX ст. собраний последнего рода явилось несколько со стороны отдельных лиц и коллективных. Таковы, напр., работы: Макарова: «Опыт простонародного словотолковника» (Маяк, 1844, т. XVIII, Чтения, 1846—1847), «Опыт областного великорусского словаря» (Спб. 1852), изд. Отд. р. яз. и сл. А. Н., таково же обширное «Дополнение к Опыту обл. вел. словаря» (Спб. 1858). Все эти издания несомнено ценны, хотя в областном словаре «недостает полной ученой достоверности» (Котляревский), так как к народному иногда примешивается заведомо вымышленное или плохо записанное.

Одну из задач истории языка Срезневский усматривал также в определении и объяснении иноземных слов в языке русском. Многие из таких заимствований конечно сделаны еще в эпоху праславянскую, другие в прарусскую, но еще больше зашло иностранных слов в отдельные русские наречия в более позднее время. Без такого разграничения по эпохам, а также не всегда с указанием путей, как шли заимствования, и без прочной исторической основы, в некоторых случаях, впрочем, и удачно такие заимствования рассматриваются в разных филологических трудах середины прошлого столетия, группирующихся главным образом около наших Академических изданий; таковы, напр., труды: И. Срезневского «Мысли» (1850, стр. 129 sq.), Ф. Буслаева «Иностранные слова в славянских наречиях» (ЖМНП. 1867 № 8), Я. Грота «Областные великорусские слова финского происхождения» («Матер. для ср. и объясн. словаря», I, 65 sq)., его же «Областные великорусские слова, сходные со скандинавскими» (ib., 38 sq.), его же «Сравнительно-филологические и другие заметки о некоторых словах» (ib., I, 113 sq., III,

348 sq.), его же «Слова, взятые с польского или через посредство польского» («Филол. разыскания»), Буткова «О финских словах в русском языке» («Труды Р. Ак.», 1842, V), Сабинина «Матерьялы для сравнения русского языка со скандинавским» («Мат. д. ср. сл.», II, 129 sq.), Березина «Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке» (Москвитянин, 1852 № 8, 106—109). Особенно много статей посвящено заимствованиям из восточных языков: Березина «Замечания о восточных словах в областном великорусском языке» (Матер. I, 186 sq., 323 sq.), Бобровникова «Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков» (ib., I, 193 sq.), Григорьева «Областные великорусские слова восточного происхождения» (ib., 14 sq., 68 sq.), Казембека «Объяснение русских слов, сходных с восточными» (ib., 22 sq., 385 sq.), Петрова «Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными» (ib., 81 sq.), Шегрена «Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных» (ib., 145 sq.), Эрдманна «Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в Российский» (Казань. 1828).

Таким образом к началу 60-х годов, отчасти под влиянием «Мыслей» И. Срезневского, было сделано немало для возведения здания истории русского языка. Наука ждала только талантливых мастеров, и они не замедлили явиться в лице Потебни, Колосова, Соболевского, Шахматова и других лиц, группирующихся около них.

А. А. Потебня с успехом продолжал дело своих предшественников по изучению истории живого русского языка, как он звучал в устах народа; кроме того, он ввел под влиянием В. Гумбольта, Штейнталя и Макса Мюллера философскую струю в исследования по языку; много места он уделял в разных работах рассмотрению отношения мысли к слову; наконец, это же течение у него везде видно в его капитальных исследованиях по русскому синтаксису, им впервые поставленных на строго научную почву. Оставляя в стороне разные мелочи, остановимся на главнейших его работах. Сюда принадлежат: «Два исследования о звуках русского языка.

I. О полногласии и II. О звуковых особенностях русских наречий» (Воронеж. 1866, из Ф. З.). Работа о полногласии написана по поводу ст. П. Лавровского; она увеличивает фактический материал по рассматриваемому явлению, дополняет и расширяет разные соображения, высказанные предшествовавшими исследователями, и старается более прочно обосновать это явление на тогдашних положениях сравнительного языковедения. Но особенно ценна здесь вторая статья—об особенностях русских наречий. Воспользовавшись обнародованными до него материалами по живым русским говорам, Потебня не только дает их характеристику, по возможности исчерпывающую, но те или другие черты он старается осветить историческим материалом, также обыкновенно заимствованным из изданий старинных произведений. Таким образом у него предлагается как бы историческая диалектология русского языка. Особенно подробно он характеризует малорусское и великорусское наречия, но у него уже выступает постепенно и белорусское наречие, которое он пока не решается сопоставлять с малорусским и великорусским, как равное им, а видит в нем отпрыск южновеликорусского наречия, подвергшегося сильному влиянию малорусского. В рассмотрении южновеликорусского поднаречия очень ценны его наблюдения над заменой безударных гласных, впоследствии более подробно разработанные Богородицким и др. Известная формула (1. 2. 3. 1), указывающая силу слогов по отношению к ударению, установлена им впервые. Вообще у него везде заметно стремление не только констатировать факты языка, но и объяснить их. Очень замечательны главные положения, к которым он пришел в этом исследовании. «Русский язык, в смысле совокупности русских наречий, есть отвлечение; но возводя теперешние русские наречия к их древнейшим признакам, находим, что в основании этих наречий лежит один, конкретный нераздробленный язык, уже отличный от других славянских». Эти отличия в существенных чертах указаны правильно; некоторое увлечение, может быть, в *дж* при старославянском *жд*. «Раздробление этого языка на наречия началось многим раньше XII в.» Но дело автор представляет так, что

сначала явились черты отдельных говоров, а наречия уже образовались после. Однако, когда явились отдельные черты русских наречий, тогда уже не могло быть речи об общем русском языке. Впервые Потебня правильно представил причину основного различия великорусского и малорусского наречия в количественном различии гласных *о* и *е* в слогах закрытых. Тут же он отмечает, что переход *е* в *о* после шипящих и в других подобных случаях не зависел от ударения.

Особенно обстоятельно у Потебни везде рассматривается малорусское наречие, так как с ним он был знаком не только по печатным изданиям, но и практически. К малорусскому наречию он обращается и в других сочинениях, напр., «Заметки о малорусском наречии» (Воронеж. 1871 г. Ф. З.) и «К истории звуков русского языка» (I — IV. Воронеж — Варшава). В последней работе везде привлекается и общерусский материал. Тут он еще раз подтверждает мысль, что разделение русского языка древнée XI в. и что вся его история есть история русских наречий. Ясно, что и рассматривать явления языка огулом невозможно. В последних работах уделено немало места и русской лексикологии.

Но особенно ценны по глубине философских мыслей лингвистические исследования Потебни по синтаксису, вышедшие под скромным заглавием «Из записок по русской грамматике», I — II. 1874 г. Воронеж — Харьков, 2-ое изд. I — II, дополненное, 1889. III ч. вышла после смерти Потебни в Харькове под редакцией Харциева в 1899. Во введении (I) разобраны, напр., темы: что такое слово, грамматическая форма, этимологическая и синтактическая форма, создание и разрушение грамматических форм, грамматика и логика, предложение и его члены. Во II части рассматриваются «составные члены предложения и их замены в русском языке». Дополнением к I — II частям является III ч. «Об изменении значения и заменах существительного», есть еще и приложения. К синтаксису еще относится «Значение множественного числа в русском языке» (Воронеж. 1888). Синтактические исследования Потебни ценны не только по глубине мысли, но также потому, что в них везде привлекается материал из всего рус-

ского языка — литературного и народного, и не только современного, но и старого. Везде используются и выводы западной науки.

Говоря о Потебне и других русских ученых 60-х годов, нельзя не вспомнить, что в 1862 году в Воронеже был основан скромный провинциальный научно-педагогический орган: «Филологические записки, журнал исследований, рассуждений и наблюдений и критики по русскому языку и словесности, издаваемый А. Хованским». До 80-х годов здесь главным образом и печатались разные филологические работы русских ученых, а также переводные иностранные. Тут же явились и главнейшие сочинения Потебни. Этот журнал беспрерывно выходил до революции 1917 г., когда он погиб вместе с другими частными научными изданиями.

Уже в работах Потебни заметен большой уклон в сторону малорусского наречия; специально ему посвящены работы П. И. Житецкого, современника Потебни и продолжателя его трудов в этой области. Житецкий не столько следит за диалектическими отличиями малорусского языка и даже не столько за его перерождениями на глазах истории, сколько пытается проникнуть в эпоху зарождения главнейших малорусских особенностей и понять их отношение к прарусскому языку. Русский праязык, древнерусский язык и современный малорусский — вот главные предметы его диссертации: «Очерк звуковой истории малорусского наречия» (Киев. 1876). «Главное внимание свое мы сосредоточим на сравнении звуковых элементов современного малорусского наречия в разных его говорах с первозвуками, из которых они образовались и которые рассеяны в памятниках древнего и среднего периода русской письменности» — говорит Житецкий. Из живых элементов особое значение придается северномалорусским говорам, особенно их дифтонгам (у͡о, у͡и, у͡э, ю͡о, ю͡и). Памятникам средней письменности он посвящает свой доклад о Пересопницком Евангелии 1556 — 1561 г. (на Киевском Археолог. съезде 1874 г.). К этому же вопросу он современем обратился в работе «Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в.» (Киев. Старина и отдельно 1888). Теоретические

построения Житецкого в то время еще не могли опираться на прочные основы, поэтому естественно подверглись обстоятельному разбору Потебни (в 20-м присуждении наград гр. Уварова), который старается подтвердить свой взгляд на довольно позднее падение глухих в русском языке, вопреки Житецкому, утверждавшему, что падение ъ и ь в русском языке началось очень рано, еще в прарусскую эпоху. К несомненным достоинствам диссертации Житецкого следует отнести его отправление от чисто физиологических явлений в языке, привлечение славянского сравнительного элемента, а также обращение к данным истории народа для объяснения истории языка, к чему с таким успехом в наше время обращался А. А. Шахматов. Работы Житецкого, несомненно, вызвали в науке интерес к малорусскому языку и немало содействовали дальнейшему его изучению у нас и особенно за границей в Галиции. Этот интерес поддерживался еще ценными материалами, собранными в «Трудах этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край» Чубинского, где (VII т. 1877 г.) напечатана хорошая с картой статья Михальчука: «Наречия, поднаречия и говоры южной России в связи с наречиями Галичины».

Верного ученика и продолжателя синтактических работ Потебня должен был иметь в А. В. Попове, которому принадлежала диссертация, напечатанная в Фил. Зап. 1879—1881 г., «Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях». Но ранняя смерть похитила этого даровитого ученого, и Потебне осталась лишь печальная необходимость напечатать некролог своего ученика.

Одновременно с Потебней на ученом поприще исторического изучения русского языка выступил другой ученик П. Лавровского М. А. Колосов. Хотя его ученая деятельность была непродолжительна (всего 13 лет), но она оставила заметные следы в русской науке. Из его ученых сочинений, минуя разные мелочи, сюда отнесем: «Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие» (Варшава. 1872);

«Загадочные звуки в истории русского языка» (Варш. 1876 г. по поводу кн. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия»); «Почему в родительном падеже единств. числа прилагательных и местоимений окончание *го* (*аго*, *ого*) сменилось на *во* (*аво*, *ово*)?» (Фил. Зап. 1877). Достоинства и недостатки главного труда Колосова «Очерк истории»... в свое время отмечены Потебней в книге: «К истории звуков русского языка» (Варш. 1876). Он представляет первый систематический свод данных, касающихся звуков и форм русского языка, начиная с древнейших памятников и оканчивая XV столетием. Эта задача выполнена им очень тщательно и вполне добросовестно, насколько это можно было сделать в Варшаве, где нет русских рукописей, и при том в то время, когда о палеографически точном издании старинных памятников мало заботились. Все, что было сделано по изучению старинных памятников Востоковым, Срезневским, Буслаевым, Лавровским, у Колосова принято в расчет. Приводимые звуки и формы попутно также объясняются. Автор имел в виду также указание лингвистических признаков, кроме палеографических данных, по которым можно отнести памятники к тому или другому веку. Кое-где Колосов обмолвился и относительно принадлежности известных черт, больше особенных, северному—новгородскому, или южному—малорусскому наречиям. Рассматривая очень подробно приметы общерусского языка, Колосов, в сравнении с предыдущими исследователями, внес и лишнее: замену *ѣ* через *е*, мену *у* и *в*, изменение *ый* на *ой* и *ий* на *ей*. Эта прибавка основывалась на несколько неясном представлении общерусского праязыка, в который введены только черты великорусского наречия. Недостатки своего сочинения автор отчасти и сам сознает. Он не пишет истории русского языка, так как задачи ее слишком обширны и появление ее не возможно даже в близком будущем. «Мы находимся еще в периоде собирания и предварительной разработки материала». Исторический очерк, по мнению Колосова, представляет лишь систематический свод тех данных, которые рассеяны во множестве изданных памятников. Но если мы присмотримся

к системе, принятой Колосовым, то увидим, что она очень механическая: изложение фактов языка по столетиям слишком неудобно для уяснения развития тех или других явлений и распространения их в известных местностях. Все седержание очерка представляется отрывочным и, вследствие немногочисленности обнародованных тогда источников, нуждающимся в дополнениях, новой группировке материала и поправках. Две части книги — обзор особенностей древнерусского языка и свидетельства памятников — не связаны между собою: в первой части рассматриваются отличительные черты, как они указаны разными учеными, во второй излагаются особенности разных памятников. Объем задачи своей Колосов определяет словами: «мы следим за изменениями не всего русского языка, а только великорусского», а между тем в исследовании вопрос о разделении русского языка на наречия не рассмотрен, равным образом не отмечено, и какие памятники относятся к тому или другому наречию. Предугадывая подобный упрек со стороны читателей «Очерка», Колосов по вопросу о времени разделения русского языка на два главные наречия с уверенностью заявляет: «не считаем возможным со стороны кого бы то ни было решительно в настоящее время ответить на этот вопрос». Огульное распространение особенностей древних памятников на весь русский язык было причиной того, что некоторые черты, характеризующие отдельные наречия, были приписаны всему древнерусскому языку; это тоже один из существенных недостатков «Очерка». Выставив в предисловии верное положение относительно того, что «от настоящего м о ж н о заключать к прошедшему, но д о л ж н о лишь тогда, когда это прошедшее само не представляет нам достаточных данных для суждения о нем», Колосов слишком понадеялся на свидетельства своих источников и не привлекал для сравнения диалектологических данных живых русских говоров. Особенно полезны они были бы в тех местах, где идет речь о фонетике языка, так как о древних звуках можно судить лишь по теперешним, а не по сбивчивым показаниям славянорусской письменности. И сравнения с другими славянскими языками,

хотя бы и в самых незначительных размерах, напрасно не привлечены к делу. Тогда не пришлось бы допускать неестественных объяснений, напр., причастий на *-а* (мога), род. п. ед. ч. на *-е*, *-ѣ* и др. Еще обращают на себя внимание некоторые мелочи в отношении их объяснения, поставленные Колосовым на правильную почву. Так он, кажется, впервые точно устанавливает различие таких написаний, как блъха, кръвь (современное — блоха, кровь) и плъкъ, търгъ (др. русск. пълкъ, търгъ) и указывает причину разницы их огласовки. Рассуждая об отражении носовых гласных в русском языке, Колосов значительно опередил свое время в том отношении, что в появлении, напр., *ен* на месте ѧ он усмотрел «только след некогда существовавшего ринезма в общеславянском языке», а не русском. Высказывая это положение, он не восстает решительно и против мнения Гатталы (Č. M. K. Č. 1862, I, 138—139) о том, что в древнейшую эпоху др.-русск. язык знал носовые (ср. у Колосова 30, вын. 4), впоследствии подтвержденного также А. И. Соболевским в его лекциях. Колосов впервые высказал мнение, впоследствии развитое Фортунатовым и его школой, что общерусской заменой *ѣ* был дифтонг *ie*. Но это предположение высказано очень осторожно с прибавкой: «заметим, однако, что на основании памятников доказать сделанное предположение не возможно: в них на месте *ѣ* является *ѣ* или *е* или *и*, но никогда *ie*».

В статье «Загадочные звуки» Колосов рассматривает *ѣ* и *ы*, которых он касался и в других работах. И здесь он поддерживает дифтонгичность древнего *ѣ*. Что касается его заметки о форме род. п. на *-во*, то Колосов впервые высказал вполне основательное предположение, что *-во* могло явиться на месте *-ho*, а не *-go*.

Уже в своей вступительной лекции, читанной еще в 1871 г., Колосов высказался за необходимость изучения русской диалектологии, сознавая всю важность ее для истории языка. Однако, отвлеченный изучением старинных памятников, к занятиям ею он приступил лишь в 1874 г. Сначала он собирал и издавал народные произведения, особенно по поручению

Отделения р. яз. и сл. А. Н. (ср., напр., «Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия». Спб. 1876—1877), а затем свои наблюдения объединил в книге: «Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка» (Варш. 1878). И здесь, как и в Очерке, специальным предметом исследования Колосова служило лишь великорусское наречие в тесном смысле этого слова. И в рассматриваемой работе автор не заботился о характеристике отдельных мелких великорусских говоров, хотя разности северновеликорусского поднаречия в сравнении с южным определены во всех случаях. Задача Колосова, по его словам, «заключалась в том, чтобы определить звуковой формальный тип великорусского наречия сравнительно с бело- и малорусским». Каждая особенность народной речи, по возможности, ставится в связь с другими; явления современного языка сопоставляются с соответствующими др. русскими. Колосов стремился установить законы, управляющие изменениями в языке, но достигнуть этого он не мог, так как не были проделаны подготовительные работы и из них главнейшая—не указаны точно географическое распространение тех или других диалектических особенностей и цельные облики отдельных говоров. В виду указанного понятно заключение о трудах Колосова, сделанное В. А. Богородицким: «Проф. Колосов не различает в своем исследовании главнейших неударяемых положений, отчего его изложение неударяемого вокализма страдает спутанностью»... И в «Обзоре» обращают на себя внимание решения разных вопросов истории языка, как напр., вопроса о полногласии. Колосов одновременно с Миклошичем остановился на праславянской оглаогласовке *tort—tert*. В области безударных гласных он допускает переход *е* в *а* с предыдущей мягкостью не непосредственно, а при посредстве *ё*, т.-е., другими словами, указал то же наблюдение, которое значительно позже установил Шахматов, предположивший для общерусского языка переход всякого *е* в *о* перед несмягченным согласным. Распадения русского языка на наречия он относит к IX—X в., когда русский язык «быть может не представлял со стороны

звуков цельности в строгом смысле этого слова». Из наречий русских белорусское он считает более близким к великорусскому, чем к малорусскому, но в то же время находит, что старинное деление русского языка на три части не может считаться решительно ошибочным.

Не станем останавливаться на разных мелочах (ср. РФВ., L, 1 — 41), отмечу только, что в 1878 г. им основан ученопедагогический журнал «Русский Филологический Вестник», просуществовавший до 1917 г., когда он закрылся за неимением возможности печатать по отсутствию типографий с учеными шрифтами и бумаги. Редко кто из занимающихся русским языковедением не принимал в нем участия, печатая свои работы, исследования, диссертации, отзывы и т. п. Издавался он сначала под редакцией Колосова, с 1880 г. по редакцией А. И. Смирнова, а с 1905 под редакцией Е. Ф. Карского.

Под влиянием работ Колосова П. В. Владимиров (как говорит он сам: «Пятидесятилетие Мыслей Срезневского», 82 — 83) обратил внимание на некоторые рукописи Соловецкого м-ря и извлек из них данные, характеризующие более сев.-великор. наречие в работе: «Несколько данных для изучения сев.-великор. наречия в XVI и XVII в.» (Казань. 1878). Отвлеченный на время от лингвистических занятий чистолитературными работами, он в 1888 г. выпустил опять труд, посвященный преимущественно языку: «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык» (изд. ОЛДП.). Годом раньше он напечатал «Житие св. Алексея, человека Божия в западнорусском переводе конца XV в.» (ЖМНП. 1887 окт.). В обеих работах рассматриваются и особенности старого западнорусского языка, родоначальника современного белорусского. Ему же принадлежит «Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст.» (Киев. 1890. Чтения в Общ. Нестора Л., IV), где также попутно отмечаются черты южнорусские и западнорусские. Наконец, Владимиров дает отзыв о работах по белорусскому языку Е. Ф. Карского в статье: «Научное изучение белорусского наречия за последние десять лет (1886 — 1896 гг.)»

(Киев. Унив. Изв. 1898, май). Работа не во всех своих частях на надлежащей научной высоте.

Не произвела какого-либо движения в изучении русского языка, но подвела итоги всему сделанному в историческом изучении древнеславянского и древнерусского языков и письма книга проф. А. А. Котляревского: «Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения» (Воронеж. 1881, из Ф. З. Перепеч. в «Сборнике», L). Тут не только перечисляются все главнейшие работы, вышедшие до 1881 г., но и дается их оценка, хотя и краткая, но исчерпывающая, обыкновенно беспристрастная.

Настоящий расцвет в разработке русского языка в отношении историко-сравнительном начинается в нашей науке после выступления в ней энергичного ученого языковеда-реалиста А. И. Соболевского, около которого группируется целый ряд других ученых, так или иначе примыкающих к нему. Его исследования касаются и старославянского языка, явления которого он большею частью рассматривает сравнительно с русским, и языка русского — древнего и современного во всем его разнообразии — литературной речи и народных говоров. Мы рассмотрим лишь те работы, которые специально касаются русского языка.

Уже в первых своих статьях по русскому языку, появившихся на страницах РФВ. в 1881 г., объединенных под общим заглавием «Исследования в области русской грамматики», составлявших магистерскую диссертацию начинающего тогда ученого, перед наукой выступил очень начитанный в древнерусских произведениях исследователь, обладающий обширными познаниями в области языка, богатой сообразительностью и смелостью в решении разных спорных вопросов. Некоторые объяснения его, строго обоснованные на реальных данных старинных произведений и живых фактах русского и других славянских языков, подтвержденные выводами сравнительного языковедения остаются до сих пор достоянием науки. Таковы его наблюдения над окончанием ѣ в род. п. ед. ч. основ. на -ia, винительном и именит. множ. ч. тех же основ, а также на -i͡o; над окончанием 3 л. ед. и мн. ч. глаголов без личного

суффикса и нек. др. — Вторая его диссертация: «Очерки из истории русского языка» (часть 1-ая. Киев. Университетские Изв. 1884 г. с приложениями, не вошедшими в отд. издание), стоящая еще выше первой, внесла порядок в хаотическую массу др.-русских памятников, описанных и неописанных, указав несколько примет, по которым они легко распределяются по разным областям. Предшествовавшие исследователи пока только успели определить новгородскую примету — смешение *ц* и *ч*, А. И. Соболевский указал несомненные признаки южнорусских памятников так называемого галицко-волынского типа и памятников псковских. На основании изучения языка 15-ти больших памятников он пришел к заключению, что галицко-волынские памятники XII — XV веков характеризуются появлением в них *ѣ* на месте *е*, явившегося из *е* в слогах закрытых, ставших таковыми после падения *ъ* и *ь* в тех случаях, где со-временем в малорусском явилось — в северном *i͡e*, а в украинском *i*. Впоследствии к чертам южнорусского типа, куда, кроме галицко-волынского, зашел еще и киевский, Соболевским и критиками его работы были добавлены и другие особенности, о чем у нас речь после. Псковские особенности установлены автором на основании разбора до 10 рукописей, явившихся в этой области. Его ученики, держась указаний «Очерков», число таких памятников значительно увеличили. — И после напечатания «Очерков» А. И. Соболевский в ряде статей, появившихся в РФВ., собирает данные, характеризующие рукописи, относящиеся к той или другой области. Такова его статья «Смоленско-полоцкий говор в XIII — XV в.» (РФВ, XV), «Одна особенность старого новгородского говора» (ib., XVI), «Псковской Трефолой 1446 г.» (ib., XIX) и др., «Источники для знакомства с древнекиевским говором» (ЖМНП. 1885) и др. Попутно Соболевский не оставляет без внимания и других вопросов, имеющих отношение к истории русского языка.

Обе отмеченные диссертации А. И. Соболевского, другие статьи по истории языка и многочисленные накопленные им материалы непосредственно из рукописей послужили основанием его главного труда «Лекций по истории русского

языка» переделывавшихся и дополнявшихся при новых изданиях (Киев, 1888, 4-ое изд. М. 1907). Фактический материал, собранный здесь, до сих пор еще не заменен ничем другим и служит богатым пособием для всех занимающихся историей русского языка.

«Лекции» Соболевского не есть еще «история русского языка»: они предназначены для учебных целей. Поэтому содержа в себе весь материал, нужный для истории языка, или по крайней мере исторической грамматики, они располагают свои сведения в таком порядке, какой наиболее удобен для учебных целей. По той же причине и само изложение в них, в угоду популярности, иногда слишком упрощается, хотя и без вреда для научности. Изложение везде реально-фактическое. «Мы не предлагаем ни на чем не основанных гипотез и не предаемся лингвистическим мечтаниям (вошедшим, увы, в моду в молодую науку о русском языке)»—говорит автор в предисловии к 3-му изданию «Лекций». После краткого введения о составе русского народа и о причинах, вызывающих те или другие изменения в языке, дается перечисление источников и пособий по изучению последних. Не достает только характеристики изучения русского языка в предшествовавшее время. Впрочем статья «Из литературы предмета», довольно обширная, приложена в конце книги, а в 1-м издании была разбита по соответствующим главам. В III главе рассматриваются главные звуковые особенности русского языка, отличающие его от других славянских языков. Здесь, в сравнении с предыдущими исследователями, сильно выдвигается «второе полногласие»; подчеркиваются некоторые новые мелкие черты (отсутствие *г* перед *н*, появление на письме *щ* вм. группы *сш*—*сх* и под.); пока недостаточно выяснена причина возникновения в русском языке групп -*оло*- из праслав. *-el̯̑- (в слове молоко) и -*ол*- из прасл. *-ыl̯̑-(волк). Значение начального *о*-при инославянском *е*-несколько умаляется. Более подробно эта особенность рассмотрена в специальной статье, напечатанной в РФВ. VIII. Глава IV рассматривает главные звуковые особенности древнерусских говоров. Эта статья впервые является в подобных работах, так как до сих пор

отмечались черты лишь некоторых отдельных говоров. Все данные, указанные в «Очерках», с дополнениями перечисляются здесь. Характеризуются говоры — новгородский, псковской, смоленско-полоцкий, старый западнорусский (белорусский), галицко-волынский, киевский и нек. др. В V главе рассматриваются звуки др.-русского языка «в начале его исторического существования», которые таким образом большею частью совпадают с прарусскими звуками; но тут же рассматриваются и те особенности, которые относятся к отдельным др.-русским говорам, в предыдущей главе очерченным в общих штрихах. VI и VII главы посвящены истории гласных и согласных звуков. Тут рассматриваются изменения прарусских звуков до их современного состояния. При этом обыкновенно указываются те причины, условия и положения, от которых зависели изменения звуков во всем русском языке или на почве отдельных его наречий и говоров. Во главе истории др.-русских звуков поставлено, как и естественно ожидать, исчезновение глухих, которое вызвало разные перемены в области гласных и согласных. Эти изменения в области гласных затем и рассматриваются. Далее идет история *ѣ* и последствий его совпадений с другими звуками — опять по всем наречиям и говорам русского языка. Затем излагаются явления, находящиеся в связи с ударяемостью и безударностью гласных — аканье и т. п.; тут же отмечаются другие мелочи, касающиеся гласных звуков. В области согласных во главе изложения также поставлены следствия исчезновения глухих, произведшие новые положения между согласными. Рассматриваются затем и другие явления в этой области, вызванные другими причинами. Можно бы указать некоторые маловажные случаи в истории гласных и согласных, которые не отмечены в «Лекциях» (ср. «Критич. заметки» Ягича, 30 — 87), но ведь перед нами не исчерпывающая история языка, а только «Лекции» по ней. В VIII главе разбираются главные формальные особенности русского языка в склонениях и спряжениях, а потом в IX — X главах дается история форм склонения и спряжения. Факты жизни языка везде сопровождаются соответствующими объяснениями. XI гл. рассматривает русское ударение — отдел

совершенно новый в сочинениях подобного рода. XII гл. — заключение — подводит главнейшие итоги продыдущему изложению. «Русский язык древнейшей эпохи был один язык в полном смысле этого слова. Он делился на говоры, из которых говоры северозападного угла древней Руси — новгородский, псковской, смоленско-полоцкий — выделились в отдельную группу, благодаря особенностям своего консонантизма. Прочие говоры — говоры южной, западной и северовосточной Руси — были почти тожественны, и все их отличительные черты заключались в различной звуковой окраске очень немногих слов и в различных окончаниях очень немногих форм». «Исчезновение глухих *ъ* и *ь* повело к разделению русских говоров на две группы — югозападную и северовосточную». «Северовосточная часть русского языка в свою очередь распалась на две группы. Не позднее XIV в. получило свое начало аканье, или изменение качества неударяемых *о*, *а*, *е*». «Вместе с тем последовало разделение южной группы северовосточной части, благодаря переходу в западных говорах этой группы *д* и *т* мягких в *дз* и *ц*».

«Целый ряд явлений, развившихся в русском языке в историческую эпоху, свойствен также всему русскому языку». «Общие черты сближают между собою русские наречия настолько, что сходство их друг с другом замечается даже предубежденным глазом».

«Около XVI в. русский язык в значительной части своих черт был уже тем, чем он является в наши дни».

В «приложении» к лекциям даны образцы древнерусского склонения и спряжения XI в.

Уже в своих «Лекциях» А. И. Соболевский, рассматривая те или другие явления языка, для уяснения и освещения их обращается к данным живой народной и литературной речи. Но этим он не ограничился, а стал читать своим слушателям целые курсы по русской диалектологии, чего, повидимому, не предпринимали до него профессора русского языка в высших учебных заведениях. Эти курсы попали и в печать, под заглавием: «Очерк русской диалектологии» (Живая Старина, 1892, 1 — 4), где изложены южновеликорусское, северновелико-

русское, белорусское и малорусское наречия. Во 2-м издании книга вышла под заглавием: «Опыт русской диалектологии. Вып. 1. Наречия великорусское и белорусское» (Спб. 1897). Диалектологические вопросы занимали Соболевского и после в разных статьях и заметках (ср. №№ 117, 121, 124, 147, 203, 229, 261, 262, 277, 278, 341 в указателе трудов при его автобиографии, напечатанной в «Имп. Академии Наук, III: Материалы для биографического словаря д. чл. И. А. Н.», ч. II, Прг. 1917, 158—170). В «Очерке» — «Опыте» собрана масса печатного материала, характеризующего главные наречия и говоры русского языка. Материал этот расположен по определенным районам и отдельным местностям. Нет сомнения, что эта работа Соболевского в сильной степени заинтересовала исследователей русского языка явлениями живой речи и побудила их заняться более внимательным наблюдением над народным языком и собиранием, а также объяснением его особенностей. Дело этим не ограничилось: явилось желание поставить теперешние явления в связь с прошлым языка, а иногда даже видеть зарождение их в прарусском и праславянском языках.

К историческому изучению русского языка имеют отношение и работы А. И. Соболевского по палеографии. Уже в своих «Очерках» и других сочинениях, касающихся древних рукописей, он не только извлекает лингвистические материалы, но и знакомит с палеографическими особенностями памятников. В Петроградском у-те и Археологическом институте, в бытность свою профессором этих заведений, Соболевский читал систематические курсы по палеографии. Они несколько раз литографировались и пользовались вполне заслуженным вниманием лиц, интересующихся этим предметом. Наконец они появились и в печати, под заглавием: «Славянорусская палеография» (2-ое изд. Спб. 1908). Эти курсы, как и «Лекции по ист. р. яз.», и «Опыт диалектологии», послужили руководящим пособием для других лиц, занимающихся палеографией. Под его редакцией на средства Археологич. института выпущено несколько альбомов снимков: «Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII в.» (Спб. 1901);

«Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в.» (Спб. 1903); «Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII в.» (Спб. 1906). Есть и другие его статьи, имеющие отношение к палеографии.

Имеют отношение к научной разработке русского языка и заинтересовавшие А. И. Соболевского в последние годы вопросы, касающиеся древнейших взаимоотношений русских племен, а также связей их с доисторическими обитателями Европейской равнины, географической и племенной номенклатуры. Сюда относятся, например, его статьи: «Русско-скифские этюды» (ИОРЯС, XXVI и XXVII).

В своих работах, касающихся др. ц.-славянского языка, Соболевский также попутно затрагивает и явления русского языка, часто излагая те и другие параллельно.

Один отдел работ А. И. Соболевского, касающийся говоров южной Руси и состава населения в теперешнее время и в старину, вызвал ряд критических и других статей, написанных с некоторой нетерпимостью к чужим мнениям, со стороны А. Е. Крымского, несомненно хорошего украинского патриота, арабиста по специальности, но не всегда опытного в вопросах славистики. Таковы его статьи: «Филология и Погодинская гипотеза» (Киев, 1904), где вспоминается спор Погодина с Максимовичем и отражение Погодинских взглядов у Соболевского; «Деякі непевні крітерії для діялектольогічної клясификації староруських рукописів» (Науковый сб., присвяч. М. Грушевскому. Львів. 1906); «Древне-киевский говор» (ИОРЯС, 1906. кн. 3); «Украинская грамматика» (М. 1907—1908) производящая странное впечатление: в ней недостает начала, нескольких листов и целых выпусков в середине, изложение научных фактов, подчас очень ценное, сопровождается крайним полемическим задором по адресу академика Соболевского. С бо́льшим спокойствием написаны статьи в книжке: Акад. Ол. Шахматов — Акад. Аг. Крымский: Нариси з історії української мови та хрестоматія» (Київ. 1922).

Некоторые сочинения А. И. Соболевского подверглись разбору известного слависта И. В. Ягича, который в быт-

ность свою профессором Петроградского у-та читал и историю русского языка. В книге «Критические заметки по истории русского языка» (Спб. 1889) он дает немало материалов, которыми считал возможным отчасти восполнить пробелы «Лекций» Соболевского, отчасти выставить и оправдать свои взгляды. Многолетняя ученая деятельность Ягича больше касается славянской филологии вообще, но и в области русского языка им оставлены заметные следы. В 1882 г. им была представлена в Отделение русск. яз. и словесности И. А. Н. записка, в которой он предлагал Отделению взять на себя «полное издание древнейших памятников русской письменности». Отделение одобрило его предложение; и вот в 1886 г. вышел первый большой том, заключающий в себе «Служебные минеи за сентярь, октябрь и ноябрь по рукописям 1095—1097 г.» Труд по внешнему виду и по достоинству капитальный. В 1895 г. им же выпущено другое подобное в высшей степени интересное издание. «Рассуждения южнославянской и русской старины о ц.-славянском языке», имеющее значение при изучении старинных югославянских и русских рукописей, особенно XV и следующих веков. В разных его работах, касающихся др. ц.-слав. языка и других славянских языков, имеются данные, относящиеся и к русскому языку. Особенно в большом изобилии использован русский материал в его работе по славянскому синтаксису: «Beiträge zur slavischen Syntax» (Wien, 1899. Denkschriften, XLVI). Хотя эта работа появилась и вне пределов России, но ее автор состоял нашим академиком. Нельзя не упомянуть еще и о его библиографической работе, давшей нам немало материала для предшествовавшего изложения: «История Славянской Филологии» (Э. С. Ф. I. Спб. 1910).

Перечень ученых трудов Ягича, в том числе и по русскому языку имеется в его автобиографии, напечатанной в «И. Академии Наук. Материалы для биограф. словаря д. членов И. А. Н.». Ч. II (Пгр. 1917), 251—273. Дополнение к ним в некрологах Ягича († 1923); ср. ИРАН 1923, сент., и ИОРЯС XXVIII, мои статьи.

Тут же следует упомянуть о работах и другого не специалиста по русскому языку из славистов, но оставившего

и в истории русского языка некоторые следы. Имею в виду разные сочинения Р. Ф. Брандта. Уже в его «Начертании славянской акцентологии» (Спб. 1880 г.) русскому языку уделено подобающее место. Затрогивает он разные вопросы истории русского языка и в «Грамматических заметках», печатавшихся в РФВ. 1881 и след. годах, а также в многочисленных примечаниях к переведенной Н. В. Шляковым под его редакцией «Сравнительной морфологии славянских языков» Ф. Миклошича (М. 1884—1887). Брандту приходилось читать сначала в Нежине в Историко-филологическом институте, а потом в Москве и курс истории русского языка, результатом чего вышли его «Лекции по исторической грамматике русского языка», вып. I. Фонетика (М. 1892) — работа, касающаяся больше литературной русской речи. Особенно подробно рассмотрен в ней вопрос о полногласии. Во 2-м издании (М. 1913) она переделана в «Лекции по истории русск. языка», курс популярный, читанный слушателям Моск. Археологического Института. Исторический материал берется больше из «Лекций» Соболевского.

Непосредственно к Соболевскому примыкает своими исследованиями по русскому языку его ученик Н. М. Каринский, занявшийся главным образом углублением намеченных его учителем вопросов по русской исторической диалектологии. Сюда принадлежат: его диссертация «Язык Пскова и его области в XV в.» (Спб. 1909); «Очерки из истории псковской письменности и языка». I—II (Пгр. 1916—1917). Для правильной оценки этих работ необходимо принять во внимание и несколько пристрастный в другую сторону отзыв Шахматова (ЖМНП. 1909, июль). Каринский написал и несколько мелких работ по русскому и старославянскому языкам, напр. «О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа» (РФВ. XL), «О говорах восточной половины Бронницкого у.» (ИОРЯС. 1903, кн. 1 и 2), «Остромирова Ев., как памятник др.-русск. языка» (ЖМНП. 1903, № 5) и др., а также несколько пособий (хрестоматии, альбом глаголических снимков), исполненных вообще со знанием дела.

Ему принадлежит, наконец, ценное издание, законченное Академией Наук: «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. 68 фототипических снимков с древнерусских памятников, преимущественно XI в. на 29 таблицах к печати приготовил и вводною статьею снабдил проф. Н. М. Каринский» (Ленинград. 1925. f° большое. 19 + 29 таблиц).

Очень талантливого ученика имел А. И. Соболевский в Л. Л. Васильеве, рано потерянном для науки. Ему принадлежит несколько тонких наблюдений над языком старинных рукописей и живых русских говоров, напечатанных больше в РФВ (ср. тт. XLVII, LVII, LVIII, LXI, LXIX, LXX и LXXVIII) Таковы еще: «Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в Обоянском говоре» (ИОРЯС. 1904, кн. 1), «К истории звука *ѣ* в Московском говоре в XIV — XVII веках» (ib., 1905, кн. 3) и др. Весьма ценна в разных отношениях не законченная еще печатаньем его работа: «О значении каморы в некоторых др.-русских памятниках XVI — XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии» (РФВ, LXXVIII, 156 sq.). Васильев также углубляет положения Соболевского, но у него заметно и стремление самостоятельно обследовать с разных сторон особенности старинных рукописей и живого языка с целью указать те причины, которые вызвали известные действия. В некоторых случаях на работах Васильева сказывается и влияние Шахматова, который, в свою очередь, очень внимательно следил за выводами молодого ученого.

Параллельно с историко-сравнительным изучением русского языка в трудах Потебни, Колосова, Соболевского, их учеников и последователей у нас шло и просто лингвистическое изучение русского языка, больше литературного, с физиологической и психологической точек зрения (без привлечения данных истории языка) в школе известного языковеда И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Уже сам основатель этой школы, профессор сравнительного языковедения в Казанском, Юрьевском и Петроградском университетах, в своих общих курсах старался базироваться на данных русского языка: ср. его «Глоттологические (лингвистические) заметки» (вып. I. Во-

ронеж. 1877), «Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков» (РФВ. V); «Заметки об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний» (ib. XLVIII) и т. п. Некоторые экскурсы он уделял и специально русскому языку, напр., «Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка» (Вып. I. Воронеж, 1882). В том же роде действовал и его ученик Н. В. Крушевский, в широком размере в своих лекциях и исследованиях старавшийся использовать русский и другие славянские языки.

Особенно много сделал в указанном отношении ученик названных языковедов проф. В. А. Богородицкий, которому по русскому языку принадлежит больше трудов, нежели по сравнительному языковедению. Первые его работы — все по живому русскому языку: «Гласные без ударения в русском языке» (РФВ, IV, 1880 г.); «Введение в изучение русского вокализма» (ib. VII — IX); такова же его магистерская диссертация: «Гласные без ударения в общерусском языке» (Казань, 1884). В перечисленных работах развиваются те мысли, которые в свое время были намечены еще Потебней, но не получили в его сочинениях окончательной отделки. И у Богородицкого, который основывается в своих заключениях главным образом на литературной речи, в провинциальном ее произношении, вопрос о редуцированных гласных русского языка еще не выяснен вполне. Большой труд Богородицкого «Курс грамматики русского языка», печатавшийся сначала в РФВ (X, XII, XIII, XV — XVII, XXVII), а затем с разными переделками, дополнениями и сокращениями напечатанный отдельно в Казани несколько раз (последнее изд. 1918 г.) — весь построен в духе Бодуэновской школы. Отличительная его особенность — популярность изложения при сохранении научности в содержании. Начиная уже со 2-го изд. «Общ. курса р. грамматики» к ней прибавлен «Краткий очерк диалектологии и истории русского языка» (Казань 1910. 8°, стр. 273 — 405). Отличительная особенность этой прибавки — простота и доступность изложения с приведением соответствующей библиографии; хотелось бы встретить

ольше самостоятельности в использовании историко-сравнительного материала. Как новость в трудах Богородицкого является привлечение данных экспериментальной фонетики. Этому вопросу у него посвящены и специальные статьи, напр. «Наблюдения посредством мышечного чувства над произношением звуков русского языка» (РФВ. LVII), «Заметки по экспериментальной фонетике» (ib. LXVIII), «Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными» (Казань, 1909), «Очерки по языковедению и русскому языку. Пособие при изучении науки о языке» [3] (Казань, 1910); «Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению» (Казань, 1917). При чтении всех трудов Богородицкого одна черта школы особенно бросается в глаза: большая склонность к употреблению научной терминологии Бодуэна, больше иностранной, маловразумительной для обыкновенного читателя, и обращение к формулам, напоминающим по форме математические, но очень далеким от последних по точности содержания. Они часто не только не разъясняют тех или других положений науки, но даже затемняют их, отпугивая обыкновенного среднего читателя нередко непонятными значками.

Во всем следовал своей школе и С. К. Булич, также проф. сравнительного языковедения, но преподававший больше русский с ц.-славянским языком и писавший свои работы чаще по этим языкам. Такова его диссертация: «Церковно-славянские элементы в современном литературном и народном русском языке» (Ч. I. Спб. 1893). Буличу принадлежит и обширный труд «Очерк истории языкознания в России» (Спб. 1904), давший обильный материал и для вводной части нашего «Очерка» теми своими отделами, которые касаются русского языка (а они составляют большую часть книги). Ему принадлежит и несколько мелких статей по русскому языку и библиографических очерков в энциклопедических словарях.

К той же школе принадлежит и языковед Ленинградского у-та Л. В. Щерба, также занимающийся славянскими и русским языком. Его работа «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (Спб. 1912) дала самостоятель-

ные, часто новые решения основных вопросов русского вокализма. Он едва ли не единственный из учеников Бодуэна в России продолжал углублять и развивать те общетеоретические основы психологической лингвистики, которые заложены его учителем. Другие его труды перечислены в ИРАН 1924, 513 — 515.

Особое место в истории изучения русского языка занимает известный историк русской литературы и писатель, академик Я. К. Грот, деятельность которого по русскому языку началась очень давно, еще в 50-х годах (с 1847 г.), но продолжалась до 1892, а в своих результатах на нашей школе и печати сказывалась до последней орфографической реформы в 1917 г. Грот не принадлежал ни к какой лингвистической школе ни русской, ни иностранной, но он внимательно прислушивался к господствующим в науке течениям, старался не отставать от них и быть на надлежащей высоте. Только последнее историко-сравнительное течение вместе с русской диалектологией его почти не затронуло. Это и естественно, так как он изучал живую литературную речь с уклоном к орфографии, а также словарный состав литературного языка и отчасти народного, затем язык отдельных писателей. Во всех указанных областях у Грота много ценного материала; не менее собрано им сведений и фактов для истории литературной речи XVIII — XIX веков.

Все труды Грота по языку объединены в одном большом томе (II-м) посмертного издания (Спб. 1899 г., 8° слов. XVIII + 943), еще самим автором впервые названном в 1873 г. «Филологическими разысканиями», и с таким названием издававшимися с добавлениями три раза. Сам автор делил их на две части: 1. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка и 2. Спорные вопросы русского правописания.

Что касается произношения звуков русского языка, то эти вопросы занимали Грота давно: уже с 50-х годов и до 1884 г. Он рассматривает господствующие теории в применении к звукам литературной русской речи (ср. стр. 220 — 262, 473 — 507 и др.) и не без успеха приходит к настоящим научным заключениям, хотя естественно придерживается тер-

минологии, господствовавшей в то время. Так, напр., в статье «О произношении *э, е, ѣ*» (Спбург. Ведом. 1847 г.) он одновременно с известным академиком Бетлингом («Beiträge zur Russischen Grammatik». Bulletin № 195, 196, т. IX № 3, 4) установил различие, выражаясь теперешним языком, между напряженным и ненапряженным *е* в зависимости от следующего твердого или мягкого согласного. Много места уделяет он физиологии звуков и в «Спорных вопросах русского правописания», вошедших в его популярное издание «Русское правописание» 1884 г. (последнее, 22 изд., 1916 г.). Не мало полезных данных имеется у Грота и по русскому ударению в статьях: «О спряжении русского глагола и о важности в нем ударения», «О глаголах с подвижным ударением», «О русском ударении вообще и об ударении имен существительных» (263 — 353). Здесь во многом Грот является продолжателем Востокова («Русская грамматика... полнее изложенная»). Целый ряд статей у Грота посвящен языку отдельных писателей и их заслугам в истории русского литературного языка. Сюда принадлежат: «Карамзин в истории русского литературного языка» (46 — 98); язык Державина исследован в издании его сочинений. Много сделано Гротом и по словарю русского языка. Им дана исчерпывающая рецензия на словарь Даля (1 — 45), рассмотрены некоторые словарные издания по народному языку, а также словарные работы у Шведов, Немцев, Датчан и др. Все это делалось с целью подготовки к новому изданию академического словаря, который и вышел от *А* до *Д* под редакцией Грота (1891). Несколько статей уделено у Грота рассмотрению иностранных заимствований в русском языке (о старинных технических терминах, «шпильман», слова сходные со скандинавскими, финскими, взятые из польского). Вся вторая часть «Филолог. разысканий» посвящена рассмотрению истории русского правописания и вопросу об орфографии у народов Запада и у русских. Русское правописание рассматривается, начиная от Тредьяковского и кончая реформой 1884 г. Книга Грота по этому предмету разошлась в сотнях тысяч экземпляров, воспитав на зафиксированной орфографии целый ряд поколений.

Аподиктичность установленного Гротом канона, подкрепленная строгими министерскими циркулярами, послужила и причиной ниспровержения старого правописания, которое по своей мелочности стало в конце концов невыносимым, непосильным для народа, особенно, когда понадобилось ввести всеобщее обучение. Не выдержало оно и строго научной критики, так как многие его положения не опирались на основания, вытекающие из истории языка.

Под влиянием знакомства с трудами по русскому языку Потебни, Колосова, Миклошича, Соболевского, написанными в историко-сравнительном духе — с одной стороны, с другой— под неизбежным влиянием законов живого языка, как они отразились в трудах Бодуэна-де-Куртенэ, Богородицкого, Брандта и др., началась и деятельность по русскому языку автора настоящего Очерка Е. Ф. Карского, впервые выступившего на указанном поприще в половине 80-х годов XIX столетия. Будучи природным белорусом, получив воспитание и образование среди белорусов, следовательно, с самого детства вращаясь в белорусской среде, автор приобрел некоторую опытность в белорусских говорах, которую затем подкрепил знакомством с записанными произведениями на народном языке. Естественно, что еще на студенческой скамье он занялся изучением белорусского наречия, собиранием живых материалов по языку, наблюдением действующих в нем законов и обоснованием тех изменений, которые произошли в нем в течение его многовековой жизни. Результатом таких изучений и явилась работа: «Обзор звуков и форм белорусской речи» (М. 1885). Благосклонное отношение критики к этой работе и первоначальная служба в Белорусской области (Вильна) побуждали автора продолжать свои исследования в начатом направлении. Удалось лично сделать несколько записей из разных мест, да кроме того познакомиться со вновь выходившими сборниками народных произведений Шейна, Романова, а также других лиц, менее важными. Виленская Публичная библиотека, богатая в то время разными западнорусскими рукописями, дала обильный исторический материал. Результатом всех этих изучений явилась работа «К истории

звуков и форм белорусской речи» (Варш. 1893). После этого у автора явилось желание познакомиться со всеми главнейшими памятниками старого западнорусского наречия, хранящимися в библиотеках Петрограда, Москвы, Варшавы. Старинные произведения изучались с палеографической, фонетической, морфологической, отчасти синтактической и лексикальной сторон. В результате явился ряд небольших исследований: «К вопросу о разработке старого западнорусского наречия» (Вильна. 1893), где перечислены все бывшие известными в то время автору памятники; «Два памятника старого западнорусского наречия: 1) Лютеранский (д. б. Кальвинский) катихизис 1562 г. и 2) Католический катихизис 1585 г.» (ЖМНП. 1893, авг.): «О языке так называемых литовских летописей» (Варш. 1894. Варш. Унив. Изв. 1894 № II и III); «Западнорусские переводы псалтыри в XV — XVII в.» (Варшава, 1896). В последней работе рассмотрены все рукописи псалтыри с западнорусскими особенностями в языке. Указаны источники переводов. Всюду главное внимание обращено на язык. В дальнейших работах также продолжалось изучение старинных памятников, давших материал для очерков: «Западнорусский сборник XV в. И. Публ. б. Q I № 391» (Спб. 1897, из ИОРЯС, II); «Западнорусское сказание о Сивилле пророчице по рукописи XVI в. Текст сказания, его состав и язык» (Варш. 1898. В. Унив. Изв. 1898 № II); «Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого летописью Авраамки» (Варш. 1899. В. Унив. Изв. 1899 № III). Одновременно продолжалось и изучение живых белорусских говоров разных мест как непосредственно, так и по ответам на «Программу для собирания особенностей белорусского наречия», основа для которой была составлена автором; издана она Отделением Р. Яз. и Сл. А. Н. (Спб. 1897, 2 изд. 1916) и им же разослана. Когда автор ознакомился с главнейшими памятниками старого языка и современного белорусского, а также с научной разработкой того и другого, у него явилось желание объединить все свои труды по белорусоведению в одном издании «Белорусы», программой которого являлись язык и словесность. В настоящее время это издание уже закончено.

Содержание его следующее: I т. «Введение в изучение языка и народной словесности» (Варш. 1903. 8°. X + 466). Тут рассмотрены — территория, занятая белорусским племенем; древнейшие обитатели в доисторическое время и при начале русского государства; язык русских племен, населявших белорусскую территорию в древнейшее время; зарождение белорусских особенностей; старейшие заимствования у финнов и иранцев; объединение всех белорусских племен под властью Литвы и окончательная выработка белорусской народности и языка; заимствования из литовского и латышского языков; белорусы с литовцами под властью Польши; наплыв иностранных слов в белор. наречие; воссоединение белорусов с общерусскою жизнью; количество белорусов в 1903 г. и их народные говоры; очерк изучения живого белорусского языка и народной поэзии; очерк постепенного ознакомления ученых с памятниками старого западнорусского языка; изучение самого языка; ненародные произведения на современном белор. наречии. II т. «Язык белорусского племени». 1-ый вып. «Исторический очерк звуков белорусского наречия» (Варшава 1908. 8°. IV + XXIV + 579). После двух вводных глав, где имеется очерк физиологии звуков современного белорусского наречия и палеографический очерк с изложением особенностей письма западнорусских памятников, дана история звуков гласных и согласных бел. наречия, а также рассмотрено ударение. 2-ой вып. «Исторический очерк словообразования и словоизменения в белор. наречии» (Варш. 1911. 8°. XV + 408). 3-ий вып. «Очерк синтаксиса белор. наречия. Дополнения, поправки» (Варш. 1912. 8°. XV + 347). III т. «Очерки словесности белорусского племени». Вып. 1. «Народная поэзия» (М. 1916. 8°. XIV — 557). Вып. 2. «Старая западнорусская письменность» (Пгр. 1921. 8°. VIII + 246). Вып. 3. «Художественная литература на народном языке» (Пгр. 1922. 8°. XVII + 454).

В «Белорусах» автор старался подвести итог всей своей деятельности по белорусскому наречию, а также вообще научному исследованию белор. речи. В последнее время им же популяризированы с поправками и дополнениями некоторые отделы «Белорусов» в работах: «Этнографическая карта бело-

русского племени» (Пгр. 1917. 8°. VI + 32), «Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением» (Пгр. 1918. 8°. 60) [1]). Взаимоотношений белорусов и соседей с запада касается автор в статье: «Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области» (ИОРЯС, XXIX, 1925).

Кроме белорусского языка предметом изучения автора была русская филологическая наука во всем ее объеме. Тут прежде всего следует отметить работы по славянской кирилловской палеографии. Первоначально палеографич. наблюдения автора явились в виде навеянного известными литографированными лекциями А. И. Соболевского университетского курса «Из лекций по слав. кирил. палеографии, читанных в Варш. у-те» (Варш. 1897. 8°. IV + 173 + 24 «Дополнения и поправки», из РФВ. XXXV, XXXVII). В переработанном заново виде с многочисленными снимками лекции вышли под заглавием: «Очерк славянской кирилловской палеографии» (Варш. 1901. 8°. XIV + 518). 5-ое несколько сокращенное издание 1915 г. Снимки — «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в.» вышли отдельно три раза. В связи с палеографическим изучением памятников находится издание «Листки Ундольского. Отрывок кирилловского евангелия XI в.» (Спб. 1904. Издание ОРЯС АН), а также: «Особенности языка и письма Мстиславова Ев.» (Варш. 1895. РФВ. XXXIV); «Архангельское Ев. 1092 г.» (ib. LXIX). Кроме двух последних работ к истории русского языка имеет отношение статья «Митрофан Алексеевич Колосов. Из истории русского языковедения» (ib. L). Оставляя в стороне разные мелкие статьи по истории русск. языка, отмечу еще речи о языке Ломоносова (РФВ. LXVII), Пушкина (ib. XLII) и Гоголя (ib. LXI). К изучению малорусского языка имеет отношение «Малорусский Люцидарий по рукописи XVII в.» (Варш. Унив. Изв. 1905, IX). Кроме того, в редактированном с 1905 по 1917 г. РФВ. напечатал

---

[1]) Оценка всех работ по белор. языку сделана коллективно (главн. обр. Шахматовым) при представлении автора к избранию в ордин. академики (см. Протокол Общ. Собр., напечатан. как рукопись, от 9 мая 1916 г., стр. 106 — 111).

целый ряд отзывов о разных работах по истории русского языка, по литературному языку, диалектологии, палеографии и т. п. Последняя более крупная печатная работа: «Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка)». (Ленинград. 1924).

Так шло в течение XIX и начала XX в. постепенное накопление материала для построения здания истории русского языка. Главнейшие памятники старого языка были изучены. Пользуясь их показаниями, пытались, хотя и осторожно, определить путь, пройденный теми или другими явлениями всего языка и отдельных наречий, даже решались отметить главные вехи многовековой жизни всего языка. Усиленно собирался и изучался живой материал из всех наречий и говоров русского языка; не оставлена была без внимания литературная русская речь — современная и прежняя; палеография и орфография также были привлечены к делу. Что же после этого предстояло сделать новым работникам? — Прежде всего продолжать работу их предшественников: накоплять рукописный лингвистический материал непосредственно из первоисточников, извлекать из уст народа живые данные языка, находящиеся в преемственной связи с отдаленнейшим прошлым, доходящим до эпохи прарусской и часто даже праславянской, объяснять эти данные применительно к рациональным теориям сравнительного языковедения; после этой подготовительной работы естественно выступало — построение истории русского языка, попытка чего, как мы видели, с значительным успехом уже была сделана в известных «Лекциях» А. И. Соболевского. Продолжить это дело и по возможности завершить его предстояло безвременно скончавшемуся в 1920 г., нашему современнику, деятелю последнего сорокалетия, академику А. А. Шахматову. Он является ярким представителем школы знаменитого московского языковеда Ф. Ф. Фортунатова, к которой со-временем примкнуло и несколько лиц другого направления.

В своих занятиях историей русского языка Шахматов следовал заветам своего учителя, применял его методы и раз-

вивал его взгляды на явления языка. Так, помня положение, что «исследование того или другого отдельного языка является научным только тогда, когда изучается история этого языка, но изучение истории того или другого языка возможно лишь при сравнении его с родственными языками, и задача исследователя какого-либо индоевропейского языка состоит в том, чтобы проследить историю изучаемых явлений до эпохи распадения общего индоевропейского праязыка» (Фортунатов. «Лекции по фонетике старославян. языка», 5), наш ученый не довольствовался рассмотрением какого-либо явления только на почве памятников русского языка, а строил прарусскую и праславянскую формы и подбирал для них аналогии в явлениях индоевропейского праязыка. Конечно при таких операциях, когда необходимо было от фактов живого языка восходить к теоретически построенному прарусскому, праславянскому и основному индоевропейскому языкам, допускались широкие иногда очень сложные гипотезы, что у предшественников и современников Шахматова, стоявших больше на реальной почве фактов, наблюдалось лишь изредка. Если со-временем оказывалось, что выставленная гипотеза не объясняет всех фактов, или слишком сложна, Шахматов заменял ее другою. Отсюда нередкое несходство его взглядов, высказанных в начале ученой деятельности и впоследствии. И в этом случае — сходство с его учителем Фортунатовым, который нередко менял свои взгляды на разные явления языка. Видя в жизни языка преемственность, строгую эволюцию, постепенное развитие сложных форм из простейших элементов, Шахматов живые явления языка возводил к старым, зарождение их часто допускал в прарусском языке, фонетические явления новых наречий он стремился объяснять из фонетических вариантов уже праязыка; с другой стороны, для объяснения старинных явлений, отражающихся в древнерусских памятниках, он привлекает данные живого языка во всем разнообразии народных говоров.

Подобно своему учителю, Шахматов разные изменения в русском языке, те или другие отличия его форм, старается объяснить больше фонетически, детально исследуя все условия

возникновения каждого явления, и лишь в редких случаях, когда о звуковых явлениях не могло быть и речи, обращался к факторам психологическим, к действию аналогии; но вообще он избегал злоупотреблять этим довольно легким способом объяснения явлений языка.

Очень близко знакомый с рукописным материалом, которым он начал заниматься еще с гимназической скамьи и не прекращал обращаться к нему в течение всей своей жизни, принимая между прочим деятельное участие и в издании старинных памятников, летописей, он очень внимательно относился ко всем показаниям письма, видя отражение живых явлений часто там, где прежним исследователям представлялись только описки. Чтобы подобные факты не были уникамн, привлекались все новые и новые исторические и живые материалы. Только при таком положении дела можно было высказать на все свой собственный взгляд, избегая повторять господствовавшие воззрения. Если иногда и возможно открыть сходство с чужими взглядами, то в этом не всегда придется видеть заимствование, а скорее нужно предполагать случайное совпадение, так как обнаружится, что у Шахматова все продумано глубоко и заново.

Работой по истории русского языка «Zur Kritik der altrussischen Texte» (Archiv f. sl. Phil., V) в 1881 г. еще на гимназической скамье началась ученая деятельность Шахматова; той же области посвящено и большинство его последующих исследований, возникших в эпоху расцвета таланта; из той же области развиваются темы и в главнейших трудах, сохранившихся в рукописях. Ученая деятельность его протекала строго систематически: сначала из-под пера его выходили труды, посвященные отдельным вопросам, рассматриваемым в истории языка. Из более крупных трудов этого рода назовем: «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV в.» (Спб. 1885), написанное автором еще в бытность его студентом Московского университета. Кроме ценного с палеографической точки зрения издания грамот, здесь имеется и исследование о языке их, очень важное в научном отношении. К числу новых в науке и оригинальных выводов этой работы

принадлежит мнение о звуковом значении *ѣ* в ц.-славянском и древнерусском языках. Области фонетики языка и отчасти тех же звуков посвящена его диссертация: «Исследования в области русской фонетики» (Варш. 1893). Здесь приводится масса исторических и диалектических данных, больше собранных самим автором, для определения характера древнерусских звуков *о* и *е*. Тут напр., основание (*ö*) для живого русского перехода *е* ударяемого, стоящего перед твердым согласным, в *о* (жена́ — жо́ны) возводится не только к прарусскому, но даже к праславянскому языкам: также и для разных других замен основных русских *о* и *е* в наречиях русского языка указываются в зародыше основания еще в прарусскую эпоху. Здесь же находим подробную историю звука *ѣ* в русском языке, да и вообще тут дана судьба важнейших явлений в области русского вокализма. В ряде исследований под общим заглавием «К истории звуков русского языка» (ИОРЯС) рассмотрены вопросы о смягчении согласных, об общеславянском *ä*, о первом, втором и третьем полногласии и т. п. Области современного русского литературного и народного языка посвящена его работа «Русское и славянское аканье» (РФВ. 1902 г.).

Данные живых русских говоров привлекаются не только для уяснения судьбы древнерусского вокализма и консонантизма, но и служат предметом самостоятельных изысканий. Шахматов знакомился научно с народным языком не только по многочисленным собраниям других лиц, но и сам дважды ездил в Олонецкую губ. для изучения сев.-великорусских говоров; изучал Ельнинские и Мосальские говоры, чему и посвящена особая работа в РФВ за 1897 г., ездил в Егорьевский и Спасский уезды Рязанской губ., изучал на месте и белорусские говоры в Борисовском у. Мин. г.

Рано заинтересовался Шахматов вопросом о русском праязыке и об образовании русских наречий. Первая попытка дать точную формулировку этого вопроса в связи с историей народа относится уже к 1894 г. (РФВ). В переработанном виде под заглавием: «К вопросу об образовании русских наречий и народностей» статья эта явилась в 1899 г. (ЖМНП). Здесь Шахматов для древнейшей эпохи предполагал распадение

прарусского языка на три части: говоры южнорусские, легшие в основу малорусского наречия, среднерусские — в своей восточной ветви послужившие основой южновеликорусского наречия, а в западной — для белорусского, наконец северно-русская часть прарусских говоров дала северновеликорусское наречие. Однако эта стройная гипотеза не удовлетворила его. Новые факты, накопленные диалектологией, и исторические исследования языка постепенно заставляют углублять и изменять указанную схему. Уже в своих литографированных лекциях (Спб. 1910 — 11) он старается более точно формулировать высказанный раньше взгляд, «что в северном Поднепровье в эпоху общерусского единства различались три племенные группы: северная группа, отошедшая впоследствии к северу, восточная, отошедшая на восток, и западная, оставшаяся на прежних местах... Четвертую группу составляли южные племена, занявшие среднее, а затем и южное Поднепровье». Со-временем, под давлением кочевников, восточнорусы с юговостока стремятся в прежние свои пределы в верхнем Поднепровье и, слившись с оставшимися здесь племенами, образуют белорусскую народность; южнорусы, несколько потесненные с юга, объединив все южные племена, дают народность малорусскую; восточнорусы и севернорусы оказывают взаимное влияние друг на друга и образуют великорусскую народность. Во введении к «Очерку древнейшего периода истории русского языка» (Пгр. 1915) Шахматов уже решительно утверждает, что общерусский праязык выделил из себя первоначально три наречия—южное, северное и восточное (VIII). В белорусском тут он видит уже не западную ветвь среднерусских говоров, а «соединение северной группы южного наречия с западной группой восточного. Да и великорусское наречие рассматривается как соединение северного наречия с восточной группой восточного наречия. В том и другом не придется усматривать ветви распавшегося общерусского праязыка, а необходимо будет признать образование эпохи, наступившей вследствие влияния одних наречий па другие в дальнейшей жизни языка. Во «Введении в курс истории русского языка» (Пгр. 1916, 46) он приходит к заключению,

«что прародиной русского народа была территория антов, следовательно область между Прутом и Днепром. Отсюда анты были потеснены аварами в современную Волынскую и северную часть Киевской губ. Эта область и стала колыбелью русского племени и русской прародиной» (ib. 48). Исторические условия, вызвавшие движения среди русских племен, послужившие причиной образования теперешних наречий, и окончательную группировку их Шахматов дает в своей последней печатной работе: «Древнейшие судьбы русского племени» (Пгр. 1919). Восточное славянство, когда-то зашедшее далеко на восток, в VI в. автор помещает в бассейне среднего Днепра, где они очутились под давлением авар. Радимичей и вятичей, о которых летописец сообщает, что они пришли от ляхов, Шахматов заставляет двигаться в бассейн верхнего течения Днепра и к Оке, сделать что они опять были вынуждены аварами. Теперь же расширяется, по его мнению, польское влияние на западные окраины, населенные дреговичами, радимичами и даже кривичами. В образовании великорусской народности придается огромное значение тем русским племенам, которые под властью хазар жили на юго-востоке Руси, в бассейне нижнего Дона и Азовского моря, и двинулись отсюда на северозапад под давлением полчищ печенегов и половцев. Язык их уже называется восточнорусским или степным (стр. 64). Так постепенно складывался взгляд Шахматова на распадение общерусского пранарода и его праязыка, на взаимоотношение русских племен и их языка, на образование теперешних наречий.

Прежде чем приступить к возведению здания истории русского языка Шахматов произвел подготовительные работы еще и в другом направлении: он занялся изучением славянских языков, чтобы представить себе ясно праславянскую эпоху, к которой возводятся зародыши и общерусских черт. Результатом таких изучений явились между прочим его отзывы о «Лекциях» Т. Флоринского (ЖМНП. 1895), истории чешского языка Я. Гебауера (Спб. 1899), о трудах Балканской комиссии (1901), о книге Л. Щербы по лужицкому языку (1917).

Особенно много места и времени уделял Шахматов изучению ударения в славянских языках, преимущественно в сербо-хорватском, так как характером ударения объясняются в праславянском и многие фонетические явления, особенно в группах из гласных в соединении с сонорными согласными. Тут назовем статьи: «К истории сербохорватских ударений» (РФВ. 1888 — 1890); сюда относятся и его изучения Ю. Крижанича (ib. 1895), и статья в ИОРЯС об ударения в славянских языках (III т. кн. 1 1898), и отзыв о труде Решетара по тому же предмету (ib. 1902). К той же области принадлежит его статья «Об общих явлениях в греческих и славянских ударениях» (Χαριστηρία, 1896).

Для историка языка важны и те заимствования — лексические, а иногда и фонетические, которые сделаны у соседей; ассимилируясь эти соседи иногда и совершенно сливались с русскими племенами. Еще более заметна их роль в передвижениях русских племен, чем отчасти обусловливалось и образование новых народностей. Всем этим вопросам посвящены Шахматовым, напр., статьи и издания: «Сполы — исконные соседи славян» (ЖСт. 1911), «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» (ИОРЯС. 1911). «Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen» (A. f. sl. Ph. 1911), «Древние ляшские поселения в России» (Славянство, 1911), отзыв о кн. Эндзелина «Славяно-балтийские этюды» (ИОРЯС. 1913), «К вопросу о польском влиянии на др.-русские говоры» (РФВ. 1913).

Дать историю русского языка Шахматов задумал давно. Его очерк «Русский язык» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (56 полутом, 1900 г.) является как бы программой этого исследования. Много времени ушло на детальное обдумывание сочинения и на подготовительные работы, и только к 1913 г. в рукописи был готов 1-ый выпуск: «Очерк древнейшего периода истории русского языка», вышедший из печати в 1915 г. (Пгр. 8° больш. XXVIII + L + 369), где после нового пересмотра подведены итоги всему сделанному Шахматовым по древнейшему периоду истории русского языка в области фонетики. Весь труд задуман глубоко. Автор дал

пока введение в историю, составляющее обоснование всех его взглядов. Тут изложены взгляды автора, касающиеся образования русских племен и русских наречий. Весь фонетический материал сгруппирован затем в шести отделах: в I отделе дана характеристика звукового состава общеславянского праязыка для того, чтобы видеть, какие общие черты унаследованы теми праславянскими диалектами, которые легли в основу прарусского языка. Факты языка дают основание предполагать, что одно время все зарождающиеся славянские диалекты распадались на две группы — северозападную и юговосточную; к последней принадлежали и русские племена. II отдел и посвящен изложению тех звуковых явлений, которые развились в эпоху этой общей жизни. В III отделе рассматриваются те явления, которые возникли на почве общерусского пранарода и его праязыка, когда еще все племена, выделившиеся из него современем, жили совместной жизнью. К нему примыкает IV отдел, составляющий собственно его часть — изображение звукового состава древнерусского языка перед его распадением на говоры. В V и VI отделах рассматриваются явления, свойственные еще всему древнерусскому языку, но возникшие уже после распадения общерусского праязыка. Тут же намечается и зарождение главнейших диалектических различий трех русских наречий.

Этот капитальный труд, как и большинство других филологических работ Шахматова, находится в тесной связи с взглядами его учителя Фортунатова, на что сам автор и указывает неоднократно. С другой стороны, тут использован и весь материал, добытый самостоятельными изучениями Шахматова, и выводы, к которым пришли другие ученые, занимающиеся теми же дисциплинами, хотя наш автор и относится к ним очень критически, стараясь везде проявить самостоятельность выводов и оценки фактов. В своей работе автор не столько заинтересован обилием диалектического и рукописного материала, русского и инославянского, сколько объяснением разнообразных лингвистических данных. Для этого и здесь нередко допускаются очень сложные гипотезы, только бы они вели к пониманию тех путей, какими в многовековой жизни народа

шли больше физиологические изменения существовавших звуков и зарождение новых фонетических явлений. Весь лингвистический аппарат пересматривается и привлекается к делу. Напр., в области гласных принимается в расчет и качество их (различие по образованию) и количество (сверхдолгие олгие, краткие, полудолгие, полукраткие, слоговые, неслоговые редуцированные и т. п.), разное ударение в слове, различное положение гласных в слове в отношении к другим гласным соседних слогов. В области согласных допускаются твердые, мягкие, полумягкие согласные; кроме того, и у обычных согласных подмечаются разные оттенки в образовании их; те или другие перемены ставятся также в связь с положением согласных в группах звуков как первичных, так и вторичных. Таким образом и при суждении об изменении звуков в их историческом прошлом на первом плане стоит их современное состояние у нас и у других славян, так как, по мнению автора, современное состояние языка в своих зародышах восходит к праязычным явлениям, часто даже индоевропейским. К свидетельству старых памятников он относится с осторожностью, полагая, что известное звуковое явление долго не находило в них отражения. Конечно, при таких слишком широких аналогиях и обобщениях возможны и ошибки, так как легко принять, напр., случайное сходство явлений, наблюдаемых в разных даже очень отдаленных местностях, основанное на одинаковости действия психических законов, за заимствование одной языковой группой у другой. К продолжению истории русского языка имеет отношение его статья: «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» («Украинский народ в его прошлом и настоящем», II, 664 — 707).

Говоря о деятельности Шахматова по истории русского языка, нельзя не подчеркнуть и неоспоримой его заслуги по составлению словаря русского языка. Этим он занялся с самого его избрания в члены А. Н. в 1894 г.; редактором словаря, после Я. К. Грота, он состоял и по день смерти. По мысли Шахматова, словарь русского языка должен был обхватить все лексическое богатство русского народа, а не ограничиваться только тем, что употребляли в своих произведениях

русские писатели (как это сделано в I томе). Шахматов стал в этом случае на ту единственно правильную точку зрения, что живой язык народа — корень и основание его литературного языка. Как история народа не может ограничиваться только бытописанием одних высших слоев, так и история языка не должна суживать свою сферу рассмотрением только того словесного запаса, который употребляет лишь одна часть общества, хотя бы и самая интеллигентная. Чтобы словарь служил не только целям практическим, но и научным, народные слова приводились в точной звуковой передаче их в источниках; кроме того, в словарь для сравнения вводились основные слова и из других русских наречий — белорусского и малорусского, а также большею частью и из других славянских языков, начиная со старославянского. Таким образом и здесь, как и в истории языка, дело велось в широком масштабе: по собранным запасам можно было определить, что принадлежало всему русскому языку, а не только литературному или великорусскому наречию, что следует предположить для общерусского праязыка и даже — что восходит к праславянской основе [1]).

Научные труды Шахматова по русскому языку не ограничивались только историей последнего. Он уделял свои незначительные досуги и исследованию литературного языка, его синтаксису. Двухсотлетний юбилей Академии Наук содействовал изданию и работ последнего рода: «Очерк современного русского литературного языка» (Ленингр. 1925) и «Синтаксис русского языка» (I вып. Л. 1925) — оба очень ценные издания напечатаны по рукописям автора, к сожалению не вполне им обработанным. Этому же предмету посвящена его статья «Русский язык. Его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка» («История русск. литературы до XIX в.» под редакцией А. Е. Грузинского, I, 39 — 63). Он принимал

[1]) Под редакцией и набюдением Шахматова, как председателя ОРЯС вышли „Словаря русского языка" т. II (Е. Ж. З); III т. вып. 1 (И—изба); IV т. вып. 1—9 (К—крикун); V т. вып. 1 (Л—легкий).

самое деятельное участие и в заседаниях комиссии по вопросу о реформе русского правописания, начиная еще с 1904 г.

Таким образом всестороннее изучение и научное исследование русского языка во всем его объеме, обыкновенно в связи с историей самого народа, составляло главнейшую задачу деятельности Шахматова [1]).

Один из учеников Ягича, в бытность его профессором Петроградского у-та, славист по специальности Б. М. Ляпунов, в работах по русскому и старославянскому языкам примкнул к московской школе, явившись ревностным проводником ее идей. По русскому языку ему впрочем принадлежит мало работ: «Несколько слов о говорах Лукояновского у. Нижегородской губ.» (ЖСт. 1894 г. и отдельно с дополнениями) в которой не только охарактеризован народный говор указанной местности, но и документально исторически обоснован состав ее населения. Собственно истории языка касается его диссертация «Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи» (Спб. 1899. 8°. VI + 289). Вышедший вып. 1 содержит в себе «Очерк из истории иррациональных гласных в русском языке». Действительно, кроме палеографического очерка памятника (Введение), здесь в 4-х главах, составляющих все сочинение, и идет речь об ъ и ь. Связь со школой Фортунатова видна уже в названии ъ и ь «иррациональными», т.-е. по Ляпунову, «неполнослоговыми» звуками (7-ое положение к диссертации), и по всему изложению, где вообще отстаиваются положения этой школы. В работе везде богатое сравнение с другими славянскими языками. Из других его работ, касающихся русского языка, отметим: «Памяти А. А. Потебни» (Сборн. Харьк. Ист.-филол. Общ., IV); «Единство русского языка в его наречиях» (Одесса. 1921); «Памяти Акад. А. А. Шахматова» (ИОРЯС, т. т. XXVIII и XXIX) [2]).

---

[1]) Довольно разносторонне деятельность Шахматова очерчена в XXV т. „Известий Отделения русск. яз. и словесности Р. Академии Наук", посвященном его памяти. Здесь напечатана его автобиография и список всех его работ.

[2]) Отзыв о научных заслугах Б. М. Ляпунова и перечень его работ имеется в ИРАН, 1923 г., стр. 449—455.

Примкнуть к Фортунатовской школе своими взглядами старался и одессит по образованию Е. Ф. Будде, впоследствии профессор Казанского университета. Большинство его работ по русской диалектологии. Сюда принадлежат — его магистерская диссертация: «К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора» (Варшава. 1892, из РФВ. XXVII и XXVIII); докторская работа: «К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губ.» (Казань, 1896). Таковы же и разные мелкие заметки и работы, а также отчеты о многочисленных поездках с диалектологическими целями. Влияние московской школы сказывается в них в тонкости наблюдений и в стремлении точно передавать все оттенки звуков. Диалектологические данные подтверждаются соображениями и фактами исторического характера. С другой стороны, интерес Будде простирался на историю русского литературного языка XVII — XIX в. Сюда относятся работы «Опыт грамматики языка А. С. Пушкина» (Спб. 1904. Сборник II Отд., т. 77); «Очерк истории современного литературного русского языка» (Спб. 1908. Э. С. Ф., вып. 12). Работы последнего рода пока еще преждевременны, так как судить о языке того или другого писателя нужно не по неисправным изданиям, а скорее по рукописям, или по изданиям, корректированным самим автором. Кроме того, проф. Будде принадлежат «Лекции по истории русского языка» (Казань. 1907 г., было и 2 изд.), написанные в духе Шахматовского «Русского языка» в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрона (ср. отзыв Н. Н. Дурново. Изв. ОРЯС. 1908 г. кн. 3). Будде принадлежит и несколько педагогических статей по русскому синтаксису (напр. РФВ. LXIV, LXX), в которых проводится немало рациональных взглядов на этот предмет.

В полном смысле слова воспитанник Московской школы Н. Н. Дурново. Главнейшие его труды посвящены изучению народных говоров. Везде видна солидная предварительная филологическая и историческая подготовка, богатое знакомство с литературой предмета, тонкая наблюдательность. Таковы его работы: «Диалектологическая карта Калужской губ.»

(Спб. 1903. Сборник II Отд., т. 76), «Описание говора д. Парфёнок Рузск. у. Моск. г.» (Варшава, 1903, из РФВ. 8°. VI + 267 + VII). Здесь описан говор одной только деревни, но он исследован всесторонне; записи везде ведутся строго фонетически, попутно затрогиваются разные лингвистические вопросы, которые находятся в связи с объясняемыми явлениями языка. В таком же роде и его докторская диссертация, которая печаталась при особенно неблагоприятных условиях времени революции: «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие». Вып. 1 (М. 1917. 8°. II + 224), вып. 2 (Шамординская пустынь Кал. г. 1917. 8° малое, 87). Здесь автор касается не только чистых южновеликорусских говоров, но главным образом — средневеликорусских, переходных говоров. Вся работа состоит в углублении тех данных, которые были известны по южновеликорусским говорам, в указании возможных причин рассматриваемых явлений и в возведении последних к русскому праязыку. Главное внимание сосредоточивается на объяснении разных заместителей редуцированных *о*, *а*, *е* с предыдущей мягкостью согласного и без нее. Не везде однако ответы даются решительные. что несколько умаляет значение работы, но с другой стороны, эта нерешительность заинтересовывает читателя, заставляя его подумать о настоящем решении выставленных положений. Русской диалектологии посвящены и другие работы Дурново, исполненные им единолично или вместе с другими лицами; так в «Трудах Московской Диалектологической Комиссии» им сделаны сводки данных по разным губерниям (ср. РФВ, тт. LVIII, LIX, LXI, LXII, LXVI, LXVIII, LXX); значительные части в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (М. 1915, из РФВ), изданном тою же комиссией, обработаны также им. Под его редакцией издан XI-ый вып. «Материалов для изучения великорусских говоров» (Сборник ОРЯС, т. 99, 1922 г.). В качестве университетского преподавателя Дурново читал в Харькове и Саратове курс истории русского языка. Вторая часть этих лекций появилась и в печати, но только на правах рукописи: «Очерк истории

русского языка. Вып. 2. Историческая морфология. 1. История форм склонения и спряжения» (Харьков. 1913). В настоящее время его «Очерк истории русского языка» уже напечатан (М. 1924). К той же области принадлежит его «Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины)» (М. — Пгр. 1924), содержащий очень точную научную формулировку разных грамматических терминов. В последние годы им напечатано несколько небольших работ по русск. языку, напр. «Заметки по истории русского литературного языка» (ИОРЯС, XXIII); «А. А. Шахматов, как исследователь русского языка» (ib. XXV); «De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne» (Revue d. Ét. slaves, II, 235—255); La catégorie du genre en russe moderne (ib., IV, 208—221); «К истории звуков русск. языка» (Slavia, I), и др. [1])»

Под руководством Шахматова получил окончательную обработку зародившийся еще в Юрьеве труд Д. К. Зеленина: «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» (Спб. 1913. 8°. XVI + + 544 + 1 карта). Работа посвящена известному частному явлению русской диалектологии, распространенному в великорусских говорах (копейкя, Ольгя, сверьхю). Автор не довольствуется только указанием пространственного и временного развития этого явления, а также объяснением его, но привлекает к делу и этнографическую сторону вопроса, которая «чревата выводами». При объяснении лингвистических вопросов Шахматов привлекал к делу данные истории известного племени, у Зеленина обращается внимание и на показания этнографии. Нет сомнения, что умелое использование этих данных вместе с фактами истории может привести к богатым научным выводам и открытиям, особенно относительно местностей со смешанным населением. Другие работы Зеленина больше в области чистой этнографии.

К Московской Фортунатовской школе примкнули и некоторые иностранцы, оставившие заметные следы и в русской

1) Перечисление ученых работ Н. Н. Дурново и отзыв о них в ИРАН 1924 г., 515—518.

науке. Среди них неоспоримо первое место должно быть отведено Олафу Броку. Русским языком он заинтересовался рано. Уже в 1895 г. он печатает в Archiv'e Ягича (XVII и продолжение в XIX) «Zum kleinrussischen in Ungarn»; затем касается границ между словаками и малорусами в статьях, напечатанных в Христиании в 1897 и 1899 г. После этого он вскоре переходит в наши академические издания, где печатает «Угрорусское наречие села Убли (Земплинского комитата)» (Спб. 1899). Уже здесь бросается в глаза тонкое знание фонетических особенностей славянской речи, часто недоступных привычному уху лиц, говорящих в данном случае по-малорусски. Особенно строго проведено у него здесь различие между открытыми и закрытыми гласными (ненапряженными и напряженными). По предложению Отделения Русск. яз. и Слов. А. Н. он предпринимает лингвистическое путешествие по разным областям России, с целию определить особенности типичного южновеликорусского и северновеликорусского говоров. Результатом этого путешествия явились работы: «Описание одного говора из югозападной части Тотемского уезда» (Спб. 1907. 8°. 151) и «Говоры к западу от Мосальска (с картой) (Пгр. 1916. 8° больш. 128). Обе работы очень ценны не столько по собранному материалу, сколько с методической стороны. Наконец, в Энциклопедии Славянской Филологии (вып. 5. 2) им напечатан «Очерк физиологии славянской речи» (Спб. 1910. 8° больш. 262), где и русскому языку отведено соответствующее место.

После работ О. Брока нельзя не упомянуть о сочинении другого иностранца Рад. Кошутича: «Граматика руског језика. I. Гласови. А. Општи део» (Петроград 1919), которое выпущено Отделением РЯС, как наше академическое издание. В книге даны очень тонкие наблюдения сербского ученого над нашим литературным произношением.

Из учеников А. А. Шахматова, работающих в области русского языка, одним из самых плодовитых является С. П. Обнорский. Для всестороннего суждения о его заслугах по русскому языкознанию следует подождать выхода в свет его диссертации о склонениях в русском языке, хотя уже и до-

сего времени им напечатаны очень солидные работы. Таковы, напр., «О языке Ефремовской кормчей XII в.» (Спб. 1912 г.); «Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г.» (ИОРЯС, XXIX); «К истории глухих в Чудовской псалтыри XI в.» (РФВ, LXVIII); Формы склонения по сатирам Кантемира (ib., LXIX); «Die Form des Vokativs im Russischen» (Zeitschrift, I); Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen» (ib. II); «Памяти академика А. А. Шахтатова» (ИОРЯС, XXV) и др.

В. В. Виноградов задумал всестороние исследовать судьбу ѣ в Сев. великор. наречии в работах: «Исследования в области фонетики Севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии» (ИОРЯС,— XXIV—XXV). Ср. отзыв А. И. Соболевского (ib., XXVIII); «Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка, в исследованиях акад. Шахматова» (ib., XXV). Другие его работы (довольно многочисленные) относятся к области стилистики.

Говоря о лицах, продвинувших вперед научное изучение русского языка в России, нельзя умолчать и о группе славистов и вообще языковедов, которые немало уделяли внимания и отечественному языку. К ним, напр., принадлежат:

Известный языковед А. И. Томсон, который до последнего времени пишет и статьи, касающиеся русского языка, напр. «Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке» (РФВ. XLIX); «Фонетические этюды» (ib. LIII); «Phonetische Beobachtungen zur Russischen» (Zeitschrift, II).

Г. А. Ильинский в своих многочисленных работах по славяноведению всегда уделяет должное место и русскому языку. Так в «Славянских этимологиях», в которых до настоящего времени разобрано около 90 слов, он дает и этимологии русских слов. В своей «Праславянской грамматике» (Нежин, 1916) во всех отделах он не забывает и данных русского языка, а главное приводит подробную библиографию на всех языках по разным вопросам; вследствие чего интересующемуся теми или другими вопросами русского языка не

приходится самому подыскивать литературу предмета, а прямо приступать к изучению его и к дальнейшим исследованиям. Есть у него и статьи прямо касающиеся русского языка, таковы, напр., в последнее время: «Zur Geschichte des Imperativs im Kleinrussischen» (Zeitschrift f. sl. Phil., II), или «К вопросу о чередовании гласных ряда *о* и *е* в начале слов в славянских языках (Slavia, II и IV) где идет речь о начальном русском *о* при инославянском *е*.

М. Р. Фасмер в своих работах по сравнительному языковедению и славистике уделяет много места и русскому языку. Назовем, напр., «Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке» (Сборник ОРЯС, LXXXIV, 1909 г.); I—II ч. этюдов в ИОРЯС XI—XII. Не забывает русского языка он и в своем немецком издании «Zeitschrift für slavische Philologie» (Leipzig с 1924 г.).

С. М. Кульбакин, кроме того, что не забывает русского языка в его наречиях в своих многочисленных работах по славяноведению, в последнее время выпустил очень ценное пособие по малорусскому языку: «Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии» (Харьков, 1919).

А. М. Селищев дает ценные диалектологические наблюдения по малоисследованным сибирским говорам. Таковы его работы: «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск. 1920). Тут материалы не только по этнографии, но и по языку. «Диалектологический очерк Сибири» (Иркутск. 1921). Сравни по поводу этой книги замечания А. В. Пруссак (ИОРЯС, XXVI) и ответ на них автора (ib., XXVIII). «Русский язык инородцев Поволжья» (Slavia, IV).

М. Г. Долобко, работая в области славянского ударения, уясняет и многие вопросы, связанные с последним в русском языке. Следует пожелать, чтобы его кропотливые исчерпывающие работы в этом роде поскорее появились в печати.

Д. В. Бубрих много сделал в той же области. Хотя у него везде выступает праславянское ударение, но всюду находится материал, имеющий отношение и к русскому языку. Таковы его исследованя: «О трудах А. А. Шахматова в об-

ласти славянской акцентологии» (ИОРЯС, XXV); «Севернокашубская система ударения», где в приложении дается «Праславянская акцентологическая система» (ib., XXVII); «Die Akzentlehre von A. Belic'» (Zeitschrift, I).

Деятельная работа началась в последнее время и по изучению малорусского языка. Кроме раньше отмеченных работ назовем еще труды следующих лиц: Е. К. Тимченко: «Українська граматика» (К. 1907), его же: «Функции генитива в южнорусской языковой области» (РФВ, LXIX — LXX); его же: Номінатив і датив в українській мові «(К. 1925). его же: «Льокатив у українській мові «К 1925); его же «Вказівки, як записувати діялектичні матеріяли на українськім язиковім обширі» (К. 1925 УАН); его же и Михальчука: «Проґрамма до збирання діалектичних одмін української мови (К. 1910).

Лучший словарь малорусского языка «Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина», редактировал Б. Д. Гринченко». I — IV т. (К. 1907 — 1909).

Г. К. Голоскевич напечатал работы: «Описание говора с. Бодачевки (Колодиевки) Ушицкого у. Подольск. г.» (ИОРЯС, 1909 № 4) и «Евсевиево Ев. 1283 г.» (Исслед. по русск. яз. 1914).

Е. Б. Курило выпустила: «Уваги до сучасної української літературної мови» (К. 1915). «Фонетичні та деяки морфологічні особливості говірки с. Хоробрпчів Городнянського повіту, тепер Сновської округи на Чернігівщині (К. 1924); «До характеристики і процесу монофтонгізації чернігівских дифтонгічних звуків» («Украіна» 1925, 4 кн.).

Всев. Ганцов: «Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку» (ВАН, Зап. Іст.-філол. від., II — III. К. 1923); «Діялектологічна класіфикация українських говорів (з картою)» (К. 1923); «Чергові завдання української діялектології (Зап. Етногр. т. I, Київ. 1925); «Das Ukrainische in neueren Darstellungen russischer Mundarten» (Zeitschr., II, 213—235); «До історії звуків в українській мові» (У Київі, 1926. Зап. У. А. Н. VII—VIII) (ср. в Slavia, IV, отзыв о некоторых работах Ганцова, сделанный Дурново).

Заметно стремление дать исторические очерки малорусского языка, таковы, напр., работы:

И. И. Огиенка: «Курс украинского языка» (К. 1918), П. О. Бузука: «Коротка історія української мови» (Одесса, 1924); или К. Німчинова: «Український язик у минулому й тепер» (Харків. 1925).

По белорусскому языку, кроме работ автора этого очерка, сделано в общем мало. Можно отметить только П. Расторгуева. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии (Курс Белоруссоведения. Москва. 1920), 185—257. Хорошее введение в историю языка сделано Волк-Левоновичем в статье: Гістарычнае вывучэньне белорускай мовы ў славянской філёлёгіі (Працы Беларускага Дзяржаўнага Унивэрсытэту ў Менску, 1925, № 6—7, стр. 98—127). Остальные научные силы Белоруссии сорганизовываются для составления исчерпывающего словаря белорусскаго языка, так как существующие словари И. И. Носовича («Словарь белор. наречия». Спб. 1870) и В. Добровольского («Смоленский областной словарь». Смол. 1914 г.) этим требованиям не соответствуют. Уже составлена С. М. Некрашевичем и обстоятельная записка по этому предмету: Да пытаньня аб укладаньні слоўніка жывой белорускай мовы (Полымя 1925. № 5).

Другие работы по диалектологии и собирание материалов по этому предмету указаны у меня в «Русской диалектологии».

В числе задач научного изучения русского языка всегда было составление этимологического словаря этого языка. Мы видели, как неудачны были прежние попытки этимологизации русских слов и что было причиной этого явления. Однако со-временем постепенно накоплялись научные материалы по этому предмету как со стороны русских, так и иностранных ученых: появился Etymologisches Wörterbuch Миклошича, вызвавший разборы Р. Брандта (РФВ. XVIII, XXI—XXV), много этимологических заметок дал А. Потебня в том же РФВ и др. изданиях, после высказывали много остроумных соображений А. Соболевский, Г. Ильинский, К. Буга и др., так что в одном только РФВ к 1913 г. накопилось объясненных слов

(правда не исключительно русских) около 1.700 (ср. «Указатели» Варшава, 1913 г., стр. 93—114). Много этимологий имеется в «Известиях» ОРЯС. Была даже попытка в 90-х годах XIX ст. сделать сводку всего материала в книге П. Горяева: «Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка» (Тифлис, 1892), в свое время разобранной Г. Ульяновым (РФВ, XXIX). Несравненно удачнее опыт этилогического словаря, к сожалению не законченный, предпринятый одним из учеников школы Фортунатова А. Г. Преображенским: «Этимологический словарь русского языка» 1—9 (А—О), 10—14 (П—С). Ср. отзывы Ф. Ф. Фортунатова в «Сборнике отчетов о премиях и наградах за 1911 г.» (стр. 221—228), Б. М. Ляпунова в «Известиях» ОРЯС, XXX.

Уяснение смысла отдельных слов и выражений, особенно метких и ходячих также составляет задачу исследователя русского языка. Очень важным пособием в этом отношении может служить книга М. И. Михельсона, вышедшая 3-м переработанным изданием в начале XX ст., удостоенная Академией Наук Макарьевской премии: «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний», I—II, СПБ. s. a. И. В. Помяловский в своем отзыве об этом издании отмечает следующие его достоинства: труд Михельсона представляет «такую справочную книгу, которая... послужит для всех, интересующихся образностью русской речи, краеугольным камнем, на котором можно будет строить дальнейшие выводы». «Кроме того, указания на этимологическое происхождение многих русских и всех иностранных, получивших у нас право гражданства, слов—дает богатый материал для будущего этимологического словаря русского языка» (Отчет о первом по ОРЯС ИАН присуждении премий митрополита Макария. Спб. 1901).

Разбору словарных заимствований в русском языке в старину посвящена работа Н. А. Смирнова: «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» (Сборник ОРЯС, LXXXVIII, 1910 г.).

По славяно-русской палеографии появилась книга известного слависта В. Н. Щепкина: «Учебник русской палео-

графии» (М. 1920), содержащая много нового по орнаменту, миниатюрам и описанию книг. Ему принадлежит и несколько мелких статей по этому предмету, напр. «Новгородские надписи graffiti» (М. 1917).

О снимках Н. М. Каринского уже была речь.

Для решения вопроса о времени написания тех или других памятников на бумаге нельзя обойтись без хорошего альбома снимков водяных знаков. Опыты составления таких альбомов у нас идут с начала XIX ст. Имею в виду: Лаптева: «Опыт в старинной русской дипломатике» (Спб. 1824), Тромонина: «Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге».. (М. 1844) и особенно Н. П. Лихачева: «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (Спб. 1891) и «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», 3 тома и приложение (Спб. 1899).

Перечисление русских древнейших рукописей и их описаний имеется у меня в «Сл. Кирилловской Палеографии».

Старопечатные книги подражают старинным рукописям, поэтому историка русского языка интересуют и исследования о начале книгопечатания в России и характер первопечатных книг. По этому вопросу следует упомянуть о работах: М. И. Щелкунов: «Искусство книгопечатания в его историческом развитии» (М. 1923); И. Свенцицкий: «Початки книгопечатаня на землях України в память 350-літя першоі друкованоі книжки» (У Жовкві, 1924), П. М. Попов: «Початки друкарства у Слов'ян» (Київ, 1924); его же: «Друкарство, його початок і поширення в Европі» (К. 1925).

Настоящий очерк изучения русского языка закончим указанием некоторых новых работ по русскому синтаксису. Семя, брошенное Потебней, медленно всходило, но все же успело дать некоторые заметные плоды. Систему Потебни положил в основу изложения своего синтаксиса ученик харьковского философа-лингвиста проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, выпустивший «Синтаксис русского языка» (1-ое изд. s. a., 2-ое Спб. 1912). Не имея глубины «Записок» Потебни, он отличается удобопонятностью изложения; везде заметен уклон в сторону психологии. Некоторые вопросы у него по-

служили предметом специальных статей, напр., «Из синтактических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений» (ИОРЯС 1900, кн. 4).

Н. К. Грунский дает историю разработки русского синтаксиса в работе: «Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков». Тут в I т., вып. 3 (Юрьев. 1911), рассмотрено значение работ Потебни.

Синтактических вопросов касаются и некоторые представители Московской Фортунатовской школы. Так сам Ф. Ф. Фортунатов дал хороший разбор вопроса «О залогах русского глагола» (ИОРЯС 1899, кн. 4). Его ученик Г. К. Ульянов в своих работах о глагольных основах касается значения их и вообще синтактической стороны не только в старославянском и литовском языках, но и в русском. И А. А. Шахматов в Петроградском у-те читал курс русского синтаксиса, который в настоящее время и напечатан. Работа не получила окончательной обработки ее автором, но замечательна по богатству собранного литературного и отчасти диалектологического материала. Популярный «Русский Синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского (М. 1914, 2 изд. 1920) вышел из той же школы. Автор пытается строго провести везде чисто формальную точку зрения, стараясь решительно отграничить область грамматики от смежных областей логики и даже психологии. Как недостаток книги следует отметить чрезмерное увлечение в сторону популяризации, вследствие чего нередко наблюдается излишнее многословие, незаметно отвлекающее автора от проведения выставленного им чисто формального принципа. В синтаксисе также не следует игнорировать исторических и диалектологических данных: держась только фактов современного литературного языка, не все можно понять, как следует, и объяснить удовлетворительно.

Формальный метод у М. Н. Петерсона («Очерк синтаксиса русского языка». М. 1923) доведен до крайности (ср. Slavia, IV, 197—198).

Синтактический материал из I-ой Новогородской летописи обстоятельно выбран и сгруппирован, больше применительно

к системе синтаксиса Шахматова, в работе Е. С. Истриной: «Синтаксические явления Синодального списка I-ой Новгородской летописи» (Пгр. 1923, из ИОРЯС, т. т. XXIV и XXVI).

Так шла научная разработка русского языка в России. Все стороны языка подвергались изучению в разных отношениях, при чем применялись и методы, выработанные для этой цели в западной науке и эволюционно развившиеся самостоятельно у себя. Результаты изучения, особенно за последние 50 лет, могут считаться очень успешными. В настоящее время уже можно приступить к следующим заключительным работам:

1. Составить диалектологический атлас живого русского языка по отдельным наречиям, с указанием территории распространения в каждом из них тех или других черт.

2. Дать исчерпывающую историю каждого из русских наречий во всех его ветвях — а) великорусского, б) белорусского и в) малорусского.

3. Написать историю русского литературного языка.

4. После этого окажется легко выполнимой и история русского языка во всей его совокупности, начиная от эпохи выделения его из праславянского языка. Эта история должна обнимать фонетику, словообразование, словоизменение, ударение и синтаксис.

5. Затем должны следовать исторические словари отдельных русских наречий, для чего пришлось бы использовать и существующие уже материалы по живым русским говорам (словари Отделения русск. яз. и словесности А. Н., Даля, Носовича, Добровольского, Гринченко — Киевской Старины, Желеховского и др.) и по старинным памятникам (И. Срезневского и отчасти др.).

6. Дать полный словарь русского литературного языка нового периода.

7. Разобрать лексический состав русского языка с указанием слов, известных всем его наречиям и отдельным группам их, напр., белорусскому и малорусскому, белорусскому и южновеликорусскому и т. п.

8. Дать этимологический словарь русского языка, точно выделив заимствования из других языков.

Из литературы предмета.

Булич, С. К. Русский язык и сравнительное языкознание. Энциклоп. словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Спб. 1899, т. XXVIII стр. 823—833.

Его же. Очерк истории языкознания в России. Т. I (XIII в. — 1825 г.). Спб. 1904. Из Записок И.-Фил. ф. И. Спб. у-та, ч. LXXV.

Владимиров, П. В. Пятидесятилетие „Мыслей об истории русского языка" И. Срезневского. (Киевские) Университ. Известия 1899 № 2, 65—97.

Известия Отделения русск. яз. и словесности Р. А. Н. т. XXV (1920), посвящ. памяти А. А. Шахматова, и др. томы.

Карский, Е. Ф. Белорусы, т. I. Варш. 1903.

Его же. Митрофан Алексеевич Колосов. Из истории русского языковедения. Варш. 1903, из РФВ, L.

Котляревский, А. А. Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения. Воронеж. 1881 из Ф. З. Перепечатано в Собрании Сочинений Котляревского.

Пыпин, А. Н. История русской этнографии. I—IV. Спб. 1890—1892.

Русский Филологический Вестник, I—LXXVIII, 1879—1918. Варшава, Москва, Петроград, Казань. „Указатели" 1913.

Соболевский, А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. IV. М. 1907.

Шахматов, А. А. Очерк древнейшего периода истории русск. языка. Э. С. Ф., вып. 11. 1. Пгр. 1915.

Ягич, И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о ц.-слав. яз. Спб. 1895.

Его же. История славянской филологии. Энциклопедия Славянской филологии. Вып. I. Спб. 1910.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ.

